

ПРОЕКТ «КОРОЛИ»

Книга третья
Часть вторая:
Голдо

KingOfVolk Sapher

KingOfWolk Sapher

**Проект "Короли".
Часть третья. 2 Голдо**

«Автор»

2026

Sapher K.

Проект "Короли". Часть третья. 2 Голдо / К. Sapher — «Автор»,
2026

Николаус всё глубже проникает в сердце владений Голдо, где золото, древние механизмы и королевская варка превращены в оружие. Камень Воскрешения уже находится в крепости, а где-то рядом скрыт третий Ключ Бездны. Но чем ближе 261-й подбирается к Голдо, тем яснее становится: под Золотыми холмами скрывается нечто куда древнее и опаснее самого гномьего короля. Обложка и картинки созданы в чате GPT.

Содержание

Семьдесят третья глава	5
Семьдесят четвёртая глава	49
Семьдесят пятая глава	84
Конец ознакомительного фрагмента.	139

KingOfWolk Sapher

Проект "Короли". Часть третья. 2 Голдо

Семьдесят третья глава

«Пивной котёл»

Я смотрел на пивной котёл Голдо.

Он смотрел в ответ.

Не глазами.

Манометрами.

Их вокруг золотой чаши было столько, что они напоминали лица. Маленькие круглые стёкла следили за давлением, температурой, плотностью варки и ещё десятком вещей, названия которых я не знал. Стрелки дрожали. Какие-то стояли спокойно. Несколько медленно ползли вверх, хотя после нашего вторжения никто не должен был поддерживать режим.

Котёл работал сам.

Он занимал почти весь зал. Огромная золотая чаша висела над чёрной шахтой на восьми цепях, каждая толщиной с крепостной мост. Внутри кипела густая светящаяся варка. Белые жилы проходили по поверхности жидкости и исчезали в глубине, будто под золотом дышало что-то гораздо старше гномов, крепости и самого Голдо.

Над котлом вращался венец из труб.

Три главные магистрали уходили в разные стороны.

Первая — к внутренней крепости.

Вторая — к личной страже.

Третья — вниз, к глубинному хранилищу.

Туда, где всё ещё лежал Камень Воскрешения.

И где-то рядом должен был быть третий Ключ Бездны.

Я чувствовал его не как предмет.

Как неправильную тяжесть в груди.

— Не трогай ничего, — сказал молодой бомбомётчик.

Он стоял в дверях и выглядел так, будто впервые пожалел, что помог нам сюда добраться.

Эйра повернула голову.

— Очень своевременный совет.

— Я серьёзно.

— Она тоже, — сказала Эллари.

Эллари уже закрыла глаза.

Цепь лежала у её ног. Ладонь касалась чёрного камня стены.

Я видел, как дрогнули её пальцы.

— Четыре ритма, — сказала она.

Бомбомётчик нахмурился.

— Здесь три магистрали.

— Я не про трубы.

Она открыла глаза.

— Варка. Давление. Память. И что-то ещё.

— Корона, — тихо сказал гном.

Мы посмотрели на него.

Он подошёл ближе, но не пересёк золотую линию, врезанную в пол вокруг котла.

— Королевская варка никогда не держится только на рецепте. У Голдо четыре подтверждения. Варка должна быть живой. Давление — правильным. Котёл должен помнить, что варил. И корона должна разрешать расход.

— Мы уже слили тридцать две бочки его разрешения, — сказала Эйра.

Гном поморщился.

— Не напоминай.

— Крупье бы заплакал.

— Он и плакал. Внутри.

Я шагнул к золотой линии.

Молодой гном схватил меня за рукав.

— Николаус.

Впервые он назвал меня по имени.

Я остановился.

— Что?

Он показал на пол.

По золотой линии медленно прошёл свет.

Один круг.

Второй.

Третий.

На четвёртом зал ответил.

Где-то под нами ударил огромный клапан.

За стенами загудели трубы.

И золотой свет в котле стал ярче.

— Поздно, — сказал гном.

Дальняя дверь открылась.

Из неё вышли четверо.

Сначала я решил, что это личная охрана Голдо.

Потом понял, что внутри доспехов никого нет.

Чёрно-золотая броня двигалась сама. Пустые шлемы. Пустые щели для глаз. На спинах — толстые прозрачные трубки, наполненные пивом. Жидкость шла из пола вверх, по позвоночным пластинам, в плечи, руки и шлемы.

На ходу броня начала наполняться.

Не человеком.

Пеной.

Сначала белой.

Потом золотой.

Она уплотнялась внутри металла, становилась похожей на мышцы, сухожилия, кожу. На месте глаз вспыхнули янтарные огни.

Первый страж поднял молот.

Второй — широкий топор.

У третьего на руках раскрылись медные пластины, похожие на щиты.

Четвёртый был без оружия.

Он просто вытянул ладонь.

В воздухе запахло свежим хлебом.

Эйра посмотрела на меня.

— Вот теперь мне меньше нравится пиво.

— Подожди, — сказал бомбомётчик. — Это ещё не всё.

Котёл выплюнул вверх струю золотой жидкости.

Она ударилась о венец труб и разошлась по четырём каналам.

Стражи одновременно дёрнулись.

Первый покрылся красными рунами.

Второй — белой минеральной коркой.

Третий окружился паром.

Четвёртый стал почти прозрачным.

— Королевские слепки, — прошептал гном. — Я думал, их разобрали.

— Что они умеют?

— Не умирать.

— Хорошее умение.

Первый страж пошёл на нас.
Я успел поднять Zero.
Молот ударил в топор.
Зал вздрогнул.
Меня отнесло на два шага назад.
Не потому, что страж был сильнее Нитбула.
Потому что в его ударе не было тела, которое могло устать.
Только давление.

Я отбил второй удар, ушёл в сторону и рубанул по локтю.
Zero прошёл через золотую пену и застрял в броне.
Эйра ударила обломком копья под колено.
Страж упал.
Эллари цепью сорвала с его спины прозрачную трубку.
Пиво хлынуло на пол.
Я добил его в шлем.
Металл лопнул.
Золотая пена разлетелась по камню.
— Один, — сказала Эйра.
— Нет, — ответил бомбомётчик.
Пена на полу поползла обратно.
Не вниз по уклону.
Против него.
К золотой канавке вокруг котла.
Она втянулась в неё.
По полу прошёл свет.
В разбитом доспехе что-то забулькало.
Сначала появилась рука.
Потом плечо.
Потом новая золотая плоть заполнила разлом.
Страж поднялся.

Шлем у него был всё ещё расколот.
Но за трещиной снова горел янтарный глаз.
— Теперь один? — спросила Эйра.
— Теперь он злой, — сказал гном.
— Он пиво.
— Для пива это не помеха.
Второй страж ударил топором в пол.
Белая корка пошла по плитам.
Камень под ногами стал скользким и твёрдым, как лёд.
Эллари прыгнула назад.
Третий развёл медные щиты.
Пар ударил в нас стеной.
Я закрыл лицо рукой.
Кожа вспыхнула болью.
Рана под ребром, только начавшая затягиваться после Матери, напомнила, что благословение не умеет отменять новые ошибки.
Четвёртый страж просто поднял ладонь.
Мой огненный меч дёрнулся у пояса.
Я схватил рукоять.
Кольцо на правой руке нагрелось.
Металл вокруг ответил ему.
Но ответил и стражу.
Все мелкие детали в зале — болты, ключи, иглы, обломки — поднялись в воздух.
И полетели в нас.
— Вниз! — крикнул я.
Мы упали.
Сотня металлических осколков ударила в стену за спинами.

Эйра перекатилась, вскочила и побежала к ближайшей цепи котла.
— Куда?!
— Наверх!

— Зачем?!

— Там меньше пива!

Спорить было трудно.

Она прыгнула на крепёж, ухватила за цепь и полезла вверх.

Второй страж пошёл за ней.

Не полез.

Просто ударил топором по цепи.

Звено размером с мою грудь зазвенело.

Эйра качнулась над шахтой.

Я потянул кольцом топор стража.

Он не вылетел из рук.

Но удар ушёл на ладонь ниже.

Этого хватило.

Эйра взлетела ещё на одно звено.

Эллари не смотрела на бой.

Она слушала.

Цепью коснулась золотой канавки.

Потом трубы.

Потом пола.

— Они не бессмертные, — сказала она.

— Хорошая новость!

— Котёл просто варит их снова.

— Это называется бессмертие!

— Нет. Он помнит форму.

Я отбил молот первого стража и ушёл от белого топора второго.

— Разница сейчас очень важна?

— Да!

Эллари ударила цепью по полу.

Раз.

Два.

Три.

— Когда мы разбиваем тело, жидкость уходит в возвратный канал. Потом проходит через память и возвращается в доспех.

Молодой бомбомётчик понял раньше меня.

— Повторная варка.

— Где память? — спросил я.

Он посмотрел под котёл.

В чёрной шахте, прямо под чашей, вращался ряд стеклянных цилиндров. Издалека они выглядели маленькими.

На самом деле каждый был ростом с гнома.

Внутри плавали золотые силуэты.

Четыре.

Те же самые.

— Если разбить цилиндры? — спросила Эйра сверху.

— Котёл потеряет форму.

— Значит, разбиваем.

— И, возможно, сварит весь зал вместе с нами.

Эйра замерла.

— Можно без второй части?

— Можно попробовать.
Первый страж снова ударил.
Я принял молот на Zego.
Руки онемели.
— Пробуй быстрее.
Молодой гном бросился к боковому пульта.
Там было семь рычагов, два колеса и маленькая латунная табличка.
Он прочитал её.
Побледнел.
— Что?
— Есть очистка.
— Хорошо.
— Королевская.
— Плохо?
— Очень.
— Почему?
— Потому что Голдо не любит, когда его пиво пахнет вчерашним пивом.
— И?
— Промывка идёт щёлочью, кипятком и холодом. По очереди.
Эллари посмотрела на него.
— Это убьёт память?
— Смывает варку из возвратных каналов.
— А цилиндры?
— Останутся.
— Значит, они не смогут сварить себя заново, пока канал пуст.
Я улыбнулся.
— Мыть пивоварню во время боя.
Эйра сверху рассмеялась.
— Наконец нормальный план.
Гном взялся за первый рычаг.
Не сдвинул.
— Заблокирован короной.
Эллари сразу повернулась к венцу над котлом.
Там, среди труб, вращалось золотое кольцо с четырьмя маленькими коронами.
Эйра уже была почти рядом.

— Это?
— Да!
— Что с ним делать?
— Перевести на обслуживание!
— Как?!
— Я не знаю! Я бомбомётчик!
— Очень полезная профессия!
Эйра ударила обломком копья в первую корону.
Ничего.
Во вторую.
Кольцо дрогнуло.
Третий страж поднял щиты.
Пар ударил вверх.
Эйра исчезла в белом облаке.
— Эйра!
— Жива!
Голос был злой.
Значит, действительно жива.
Я бросился к пультам.
Четвёртый страж повернул ладонь ко мне.
Кольцо на моей руке вспыхнуло.
Впервые я почувствовал, что кто-то тянет металл в другую сторону тем же способом.
Не кольцом.
Самой варкой.
Два усилия встретились.
Болты в стенах задрожали.
Один вылетел.
Потом второй.
Плита справа от нас съехала на палец.
— Николаус! — крикнула Эллари. — Не тяни весь зал!
— Я не специально!

Я отпустил кольцо.
Страж не отпустил.
Мой огненный меч вырвало из ножен.
Он полетел к нему.
Я поймал рукоять в воздухе.
Лезвие вспыхнуло.
Страж схватился за клинок голой золотой ладонью.
Огонь прошёл по его руке.
Он не загорелся.
Наоборот.
Красные руны на первом стражнике вспыхнули ярче.
Котёл перераспределил жар.
— Он учится! — крикнул гном.
— Все сегодня учатся!
Я потянул меч на себя.
Страж удержал.
Тогда я отпустил.
Он дёрнулся назад.
Зего уже шёл снизу.
Топор разрубил прозрачную трубку у его спины.
Жидкость хлынула наружу.
Страж замер.
На мгновение.
Потом повернулся к ближайшей золотой канавке и просто шагнул в неё ногой.
Пиво поднялось по броне снизу.
Он снова ожил.
— Они могут брать варку даже через пол! — крикнул я.
Эллари закрыла глаза.
— Тогда надо сделать сухим весь круг.
Молодой гном посмотрел на семь рычагов.
— Для этого нужна очистка.
— Для очистки — корона.
— Для короны — Эйра.
Сверху донёсся удар.
Потом ругань.
Потом металлический скрежет.
Золотой венец остановился.
Все четыре стража замерли.

Только на половину вдоха.
Но я увидел, как в пульте перед бомбомётчиком один из замков повернулся сам.
— Сейчас!
Гном дёрнул первый рычаг.
Котёл взревел.
Не как машина.
Как зверь, которому засунули руку в горло.
Золотая варка ушла вниз.
Канавка вокруг котла опустела.
Стражи зашатались.
Второй рычаг.
По трубам пошла белая жидкость.
Она пахла не пивом.
Камнем и горечью.
Первый страж попытался сделать шаг.
Из его расколотого шлема вылилась пена.
Третий рычаг.
Пар перестал быть золотым.
Стал белым.
Четвёртый страж поднял ладонь, но металл вокруг больше не ответил.
Он стоял пустой бронёй, внутри которой медленно оседала мокрая масса.
— Ещё! — крикнула Эллари.
— Дальше холод!
— Делай!
— Если корона вернётся, нас сварит!
— Эйра!
Сверху показалась её голова.
Волосы прилипли к лицу. Левая щека была красной от пара.
— Я держу!
— Чем?!
— Сбой!

Она действительно висела на золотом венце всем весом, зацепив обломок копья между зубьями.

Кольцо пыталось провернуться.
Эйру тащило вместе с ним.
— Быстрее!
Молодой гном дёрнул четвёртый рычаг.
Температура в зале упала так резко, что я увидел собственное дыхание.
Золотая чаша покрылась туманом.
Белая промывка в каналах замёрзла тонкой коркой.
Четыре стража остановились окончательно.
Первый ещё стоял.
Я подошёл и толкнул его пальцем в грудь.
Он упал.
— Всё? — спросил я.
Эллари не ответила.
Она смотрела вниз.
Под котлом стеклянные цилиндры продолжали вращаться.
Силуэты внутри дрожали.
Потом один из них повернул голову.
Не должен был.
— Нет, — сказала она.
Чёрно-белые жилы под котлом вспыхнули.
Золотая оболочка чаши ответила им.
Внутри снова началось кипение.
Молодой бомбомётчик отступил от пульта.
— Котёл перешёл на глубинное питание.
— Что это значит?
— Что мы только что разозлили то, на чём он стоит.
Белые линии в чёрном камне поползли к чаше.
Они входили в золотые пластины Голдо, как корни в чужую клетку.

Я уже видел такую породу.
В пустыне.
На статуе Матери.
В старых жилах под лесом.
Здесь Голдо обложил её золотом и заставил работать на пиво.
— Не рубить камень, — сказал я.
Эйра сверху тяжело дышала.

— Хотела предложить именно это.
— Поэтому и сказал.
Эллари подошла к краю шахты.
— Слушайте.
— Я не слышу ничего, кроме котла.
— Именно. Раньше было четыре ритма. Сейчас осталось два.
Она указала на чёрно-белую жилу.
— Старый.
Потом на золотую оболочку.
— И Голдо.
Я понял.
— Надо отделить одно от другого.
Молодой гном побледнел сильнее.
— Если снять золотую обвязку, котёл потеряет глубинное питание.
— Отлично.
— А если снять не ту — шахта потеряет опору.
— Не отлично.
— Там восемь швов.
— Сколько правильных?
— Один.
Эйра спустилась по цепи на площадку.
— Эллари найдёт.
Эллари посмотрела на неё.

— Спасибо за доверие.
— Не за что.
Она закрыла глаза и медленно пошла вдоль края чаши.
Я видел, как она касается каждой золотой пластины цепью.
Первый шов.
Второй.
Третий.
На четвёртом она остановилась.
— Нет.
Пятый.
— Нет.
Шестой.
Её лицо изменилось.
— Здесь.
Молодой гном опустился рядом.
— Уверена?
— Под ним старый ритм идёт прямо. Золото присасывается сбоку.
— Красиво сказано.
— Режь.
Гном посмотрел на меня.
Я достал огненный меч Одноглазого.
Лезвие вспыхнуло.
— Я опять слишком сильно?
Эйра кивнула.
— Да.
— Тогда скажи, когда остановиться.
Я вставил огненный клинок в золотой шов.
Металл не плавился сразу.
Голдо умел защищать своё.
Я нажал сильнее.
Огонь ушёл в пластину.
Котёл вздрогнул.
Белые жилы в камне стали ярче.
— Медленнее, — сказала Эллари.
Я ослабил нажим.
— Ещё.
Золото начало краснеть.
— Ещё.
Шов раскрылся на толщину ногтя.
Изнутри ударил свет.
Не золотой.
Белый.
Я увидел под пластиной не металл.
Чёрный камень с белой жилой.
Живой.
И Голдо действительно присосался к нему золотыми иглами.
Десятки тонких шипов входили в породу и вытягивали свет в котёл.
— Хватит, — сказала Эллари.
Я остановился.

— Теперь кольцо, — сказал молодой гном.
— Моё?
— Если сможешь выдернуть иглы одновременно.
Я поднял правую руку.
Кольцо уже было горячим.
— Если не смогу?
— Тогда часть останется в жиле и котёл продолжит пить.
— А если выдерну слишком резко?
— Не знаю.
— Обожаю вас, гномов.
Я потянул.
Сначала ничего.
Потом одна золотая игла вышла из камня.
За ней вторая.
Третья.
Боль прошла от кольца до локтя.
Металл сопротивлялся не мне.
Его держала сама чаша.
Я потянул сильнее.
Рана под ребром открылась.
Тёплая кровь пошла под одеждой.
Эйра увидела.
— Николаус.
— Не сейчас.
— Я и не собиралась читать лекцию.
Она встала за мной и ухватила меня за плечи.
— Тяни.
Эллари обмотала цепь вокруг золотой пластины.
— На три.
Молодой гном вцепился в сервисный рычаг.
— Раз.
Котёл загудел.
— Два.
Белый свет в жиле стал резким.
— Три.
Я потянул кольцом.
Эллари дёрнула цепь.
Эйра удержала меня на ногах.
Бомбомётчик сорвал рычаг вниз.
Золотые иглы вышли одновременно.
Котёл закричал.
Именно закричал.
Низким металлическим голосом, который прошёл по всему залу и ударил в кости.
Золотая варка внутри чаши поднялась стеной.
На мгновение мне показалось, что она сейчас выльется наружу.
Потом белые линии исчезли из пива.
Вода света ушла обратно в камень.
Чаша потемнела.
Пар перестал пахнуть хлебом.

Манометры один за другим упали к нулю.
Стеклянные цилиндры под котлом остановились.
Четыре золотых силуэта внутри них рассыпались пузырями.
Тишина пришла не сразу.

Сначала затихли насосы.
Потом трубы.
Потом цепи.
И только потом я услышал, как кровь капает с моей одежды на камень.
Эйра села прямо на пол.
Эллари опёрлась на стену.
Молодой бомбомётчик смотрел на мёртвые манометры.
— Вы... выключили пивной котёл Голдо.
— Временно, — сказала Эллари.
Гном посмотрел на неё.
— Откуда знаешь?
— Старый ритм под ним жив.
Я убрал меч.
— И хорошо.
Эйра подняла голову.
— Мы его не забираем?
— Попробуй.
Она посмотрела на восемь цепей толщиной с мост.
— Передумала.
— Если сорвать чашу, — сказал гном, — шахта под ней откроется полностью. Половина внутренней крепости может сложиться.
— Тогда оставляем Голдо его котёл.
Я посмотрел на тёмную чашу.
— Только без бессмертной стражи.
Эллари подошла к нижнему венцу.
Там, где раньше всё скрывал золотой свет, теперь проступили четыре линии.

Три мы уже знали.
К крепости.
К личной охране.
К глубинному хранилищу.
А четвёртая была не трубой.
Тонкая белая жила уходила прямо вниз в чёрную породу.
На золотой обкладке рядом с ней был выбит знак.
Четыре разомкнутых кольца вокруг пустого центра.
Я уже видел похожую геометрию на Ключах Бездны.
Не сам ключ.
След.
— Вот он, — сказал я.
Молодой гном покачал головой.
— Нет. Это просто старый знак глубины.
— Может быть.
Эллари прислушалась.
— Но под ним что-то отвечает.
— Камень Воскрешения? — спросила Эйра.
— Нет.
Эллари нахмурилась.
— Другой ритм.
Я посмотрел на линию к глубинному хранилищу.
Камень Воскрешения оставался там.
А ещё глубже под пивным котлом было что-то, что отзывалось на два наших Ключа Бездны даже через целую гору.
Мы дошли не до конца.

Мы только сняли крышку с следующей проблемы.
В таверне Матери суккубов в это же время никого не обслуживали.
Это было настолько необычно, что трое постоянных посетителей дважды проверили вывеску, прежде чем уйти.

Двери были закрыты.
Ставни тоже.
Даже музыка молчала.
На верхнем этаже, в комнате над баром, на столе стояла Чаша Возврата.
Мать суккубов ходила вокруг неё уже третий час.
Чаша не выглядела великой реликвией.
Тёмный металл.
Тонкая кромка.
На дне — рисунок, похожий одновременно на дорогу, трещину и две капли крови.
Она ненавидела предметы, которые казались простыми.
Простые вещи обычно оказывались либо дешёвыми, либо очень древними.
Эта была древней.
На столе лежали семь маленьких пузырьков.
Кровь человека.
Кровь эльфа.
Кровь гнома.
Кровь демона.
Кровь суккуба.
Кровь одного из чумных врачей.
И последняя — кровь Розы, которую удалось снять с внутреннего шва старой одежды.
Матери суккубов понадобилось почти полдня, чтобы вытянуть засохшую каплю из ткани, не разрушив след.

Она капнула человеческую кровь в чашу.
Ничего.
Эльфийскую.
Ничего.
Гномью.
Металл на миг потеплел и снова остыл.
— Капризная, — сказала она.
Чаша не обиделась.

Кровь демона дала чёрный дым.
Кровь суккуба — розовый свет, который облизал края и исчез.
Кровь чумного лекаря заставила чашу показать отражение потолка.
Только потолка.
— Очень полезно.
Она взяла последний пузырьёк.
Кровь Розы была почти бесцветной после старой ткани.
Одна капля упала на дно.
Чаша ожила.
Не вспыхнула.
Стала глубже.
Комната исчезла из отражения.
На месте металла возникло чужое небо.
Не то, которое было над Небесной Обителью.
Другое.
Чёрное, прорезанное белыми линиями.
Под ним стояли башни из стекла.
По воздуху двигались огни без факелов.
Где-то далеко мерцал огромный город.
Мать суккубов наклонилась ближе.
Картинка дрогнула.
Появилась улица другого мира.
Потом море под двумя лунами.
Потом лес, где листья были синими.
Потом снова стеклянный город.
Всё исчезло.
Чаша остыла.
Она долго молчала.
Потом улыбнулась.
Не той улыбкой, которой встречала гостей внизу.
Другой.
— Значит, Роза действительно не отсюда.
Она взяла тонкую иглу и провела по внутренней кромке чаши.
Там проявились две борозды.
Две.
Не одна.
— Две крови, — прошептала она.
Одна была у неё.
Вторая — нет.
Но дочь уже знала, кого искать.
261.
Мать суккубов села в кресло.

Вильям считал Чашу Возврата инструментом давления на Розу.
Роза считала её дорогой домой.
Оба думали слишком мало.
Если чаша открывала дверь в один мир, значит, могла открыть и в другой.
Если дверь можно открыть один раз — её можно удержать.
Если удержать — через неё можно провести не одного человека.
Она посмотрела на закрытые ставни.
Там, внизу, таверна занимала один дом.
В этом мире.
Почему один?
Почему только в одном мире?
— Возвращаться, — тихо сказала она, — всегда мечтают те, кому нечего захватывать.
Она взяла пустой лист и начала рисовать.
Не карту.
Схему.
Две крови.
Чаша.
Якорь.
Дверь.
И по другую сторону — новый знак таверны.

К утру у Матери суккубов появился план не возвращения.
План вторжения.
Голдо узнал о смерти своего котла через семь секунд.
Он сидел в комнате, где не было ни одного предмета без цены.
Стол из чёрного дерева.
Стены, покрытые золотой сеткой.
Кувшин, вырезанный из цельного изумруда.
Даже окно было не окном, а пластиной прозрачного горного хрусталя толщиной с ладонь.
На столе стояла маленькая копия пивного котла.
До этого она светила.
Теперь погасла.
Голдо смотрел на неё молча.
Крагт стоял напротив.
Старший из трёх братьев.
Единственный оставшийся.
На его броне всё ещё были следы внешнего боя. Под нагрудником, ближе к сердцу, лежал запасной огненный ключ.
Голдо знал об этом.
Одноглазый — тоже.
— Сколько времени нужно, чтобы вернуть варку? — спросил Голдо.
— Если они только перекрыли корону — час.
— Они отключили глубинное питание.
Крагт нахмурился.
— Тогда дольше.
— Насколько?
— Пока не поймём, как именно.
Голдо провёл большим пальцем по мёртвой копии котла.
— Гумбол потерял тюрьму.
Крагт ничего не ответил.
— Нитбул потерял внешнюю стену.
Молчание.

— Ты потерял пивоварню.
Крагг поднял глаза.
— Я потерял двух братьев.
Голдо впервые посмотрел на него прямо.
— Они были моими командирами.
— Они были моими братьями.
— И оба выбрали месть вместо приказа.
Рука Крагга сжалась.
Металл перчатки скрипнул.
— Гумбол умер, удерживая твою тюрьму.
— Гумбол умер, потому что решил, что грубая сила заменяет расчёт.
— Нитбул умер, удерживая твой портал.
— Нитбул умер, потому что превратил завод в собственную бомбу.
Крагг шагнул ближе.
Голдо не отодвинулся.
— Ещё одно слово о них как о расходе...
— А кем они были?
Тишина стала тяжёлой.
Голдо встал.
Он был ниже Крагга.
Но в комнате всё равно казалось, что именно Крагг стоит перед троном.
— Ты до сих пор не понял, — сказал Голдо. — Мы не проигрываем из-за того, что у нас мало мужества. Мы проигрываем, потому что каждый, кто видит этого человека, начинает доказывать ему что-то лично.

— Он убил моих братьев.
— Именно.
Голдо подошёл к стене.
На золотой сетке вспыхнула карта внутренних земель крепости.
Пивоварня.
Глубинное хранилище.

Шахты.

Кузни.

Отдельно, далеко на восточной стороне горы, загорелась зелёная точка.

— Изумрудная шахта, — сказал Голдо.

Крагт посмотрел на карту.

— Он не пойдёт туда.

— Пойдёт.

— Зачем?

Голдо коснулся линии от шахты к глубинным коммуникациям.

— Потому что мы дадим ему правильную причину.

— Камень?

— Не настолько глупо.

— Ключ?

Голдо улыбнулся.

— Уже ближе.

Крагт ничего не сказал.

— Изумрудная шахта сидит на старом боковом ходе к глубинной системе, — продолжил Голдо. — Не к самому хранилищу. Но достаточно близко, чтобы чужак поверил: через неё можно обойти личную стражу.

— Можно?

— Когда-то.

— А сейчас?

— Сейчас там пять аварийных опор и две запорные стены.

Крагт понял.

— Ты хочешь заманить их внутрь и сложить шахту.

— Да.

— Вместе с рабочими?

— Нет.

Голдо повернулся к карте.

— Сначала выгрузить всё.

Крагт моргнул.

— Всё?

— Каждый обработанный изумруд. Каждый вагон руды. Каждую кассу. Каждый запас катализатора.

Он коснулся зелёной точки.

— И вынести плавильню.

— Изумрудную плавильню нельзя снять за час.

— Значит, за два.

— Она выросла в третий ярус.

— Значит, вырежи третий ярус вокруг неё.

Крагт долго смотрел на него.

— Ты готов уничтожить шахту.

— Я готов уничтожить пустую шахту.

Голдо повернулся.

— Никогда не хоронят имущество вместе с врагом, Крагт. Это расточительность.

— А людей?

— Людей тоже вывести.

— Почему?

— Потому что мне нужны люди после того, как он умрёт.

Крагт усмехнулся без радости.

— Наконец-то слышу алчность, а не безумие.

— Алчность и есть отсутствие безумия.

В дверь постучали.

Один раз.

Потом сразу два.

Аварийный ритм шахты.

Крагт повернулся.

— Что теперь?

Дверь открылась.

Гном-связист был белее извести.

— Изумрудная шахта. Нижний забой потерян.

Голдо не изменился в лице.

— Почему?

— Слизни.

Крагт нахмурился.

— Какие слизни?

— Не золотые. Зелёные. Они... они едят жилу.

— Жилу нельзя есть.

— Им можно.

— Сколько?

Связист сглотнул.

— Уже не знаем.
— Что значит «не знаем»?
— Они растут после каждого куска изумруда.
Голдо медленно улыбнулся.
Крагг посмотрел на него.
— Это твоё?
— Нет.
— Тогда почему ты улыбаешься?
Голдо снова коснулся карты.
Зелёная точка мигала.
— Потому что теперь ловушку не придётся изображать.
Крагг сжал челюсть.
— Я иду туда.
— Разумеется.
— Хранилище останется без меня.
— Не без охраны.
— Камень...
— Останется на месте.
Голдо посмотрел на его нагрудник.
— И запасной ключ тоже останется при тебе.
Крагг понял, что это не забота.
Голдо просто не хотел, чтобы артефакт лежал без владельца.
— Вывести людей, — повторил Голдо. — Вывести изумруды. Вынести плавильню. Потом дать шахте кричать так громко, чтобы 261 услышал даже из котла.
— А если слизни убьют его раньше?
— Тогда я сэкономлю пять опор.
Крагг развернулся и вышел.
Когда дверь закрылась, Голдо взял изумрудный кувшин.
Налил себе пиво.
Сделал один глоток.
И впервые за весь день не почувствовал вкуса.

Одноглазый услышал тревогу раньше, чем Крагг.
Он сидел в старом водоотводном тоннеле под Изумрудной шахтой и держал между колен маленький железный ящик.
Одной рукой.
Второй у него больше не было.
На поясе висели шесть целых ключевых элементов.
Седьмой, огненный, был сломан.
Огненного меча тоже не было.
Меч был у Николауса.
Запасной огненный ключ — у Крагга.
Поэтому Одноглазый не собирался штурмовать глубинное хранилище.
Он собирался заставить хранилище выйти к нему.
В железном ящике шевелились слизи.
Маленькие.
Серые.
Не те чудовища, что жрали золото в старой шахте.
Эти жили в дренажах и годами питались отходами промывки. Рабочие называли их чистильщиками и почти не замечали.
Одноглазый заметил.
Потому что три дня назад один из них случайно проглотил осколок зелёного кристалла.
После этого слизень перестал быть серым.
Он начал светиться.
И когда Одноглазый поднёс к нему остаток своего сломанного огненного ключа, свет не погас.
Отразился.
Огонь пошёл обратно по камню.
— Значит, изумруд хранит не только цену, — сказал тогда Одноглазый.
Теперь он открыл ящик.
Слизни выползли на мокрый камень.
Один попытался уйти обратно в воду.
Одноглазый бросил перед ним горсть изумрудной крошки.
Слизень остановился.
Пополз к зелёному.
Проглотил первый кусок.
Его тело вспыхнуло изнутри.
Второй кусок.
Он вырос вдвое.
Третий.
По спине появилась прозрачная кристаллическая пластина.
Остальные слизи почувствовали еду.
Пошли за ним.
Одноглазый медленно отступал по тоннелю, рассыпая крошку.
Он не вёл их в хранилище.
Не к Голдо.
В Изумрудную шахту.
К нижнему забою.
Туда, где жила выходила из стены почти открыто.
Первый слизень добрался до руды.
Присосался.

Камень закрипел.
Звук был мерзкий.
Будто кто-то грыз стекло зубами.
Через минуту слизень был размером с собаку.
Через пять — с телёнка.
Его тело перестало быть мягким.
Из зелёной массы торчали длинные прозрачные рёбра.
Второй слизень проглотил кусок жилы и разделился на два.
Третий начал отражать свет факела по всему тоннелю, создавая десятки ложных теней.
Одноглазый отступил ещё дальше.
— Вот теперь выгодились.
Первый рабочий увидел чудовище через несколько минут.
Закричал.
Ударил киркой.
Кирка вошла в зелёную массу.
Слизень обнял металл.
Съел лезвие вместе с древком до половины.
Рабочий побежал.
Тревожный колокол ударил первый раз.
Одноглазый закрыл глаза.
Он не любил красивые звуки.
Но этот был прекрасен.
Второй удар.
Третий.
По верхним галереям загремели вагонетки.
Началась эвакуация.
Одноглазый поднялся по боковой лестнице и выглянул в шахту.
То, что было маленькой диверсией, уже перестало ему подчиняться.
Слизни нашли жилу.
Жила нашла их.

Зелёные чудовища ползли по стенам, потолку и рельсам. Некоторые всё ещё были мягкими. Другие покрылись кристаллической бронёй. Один, особенно большой, проглотил магическую лампу и теперь светил изнутри, как ходячий изумрудный фонарь.

Стрела охраны ударила в него.

Слизень дёрнулся.

Изумруд внутри его тела вспыхнул.

Стрела полетела обратно.

Не туда же.

Но достаточно близко, чтобы два гнома упали за вагонетку.

— Отражают, — тихо сказал Одноглазый.

Он этого не планировал.

Понравилось ему всё равно.

На верхнем ярусе появились офицеры.

— Эвакуация! — кричал один. — Все обработанные камни наверх! Плави́льню снять с основания! Быстро!

Одноглазый улыбнулся.

Плави́льню.

Значит, Голдо уже решил пожертвовать шахтой.

Ещё лучше.

Пустая шахта не будет отвлекать Крагга мыслями об имуществе.

Он придёт сюда ради приказа.

Ради закрытия проходов.

Ради того, чтобы лично убедиться, что чужак не пройдёт дальше.

А запасной огненный ключ придёт вместе с ним.

Одноглазый коснулся шести элементов на поясе.

— Остался один.

Внизу слизень ударился о несущую колонну.

Изумрудная броня на его теле выросла ещё на палец.

Шахта снова зазвонила.

Одноглазый ушёл в боковой тоннель.

Теперь ему не нужно было вести чудовищ.
Они уже захватили шахту сами.
Ему оставалось только ждать Крагга.
Лже-Роза скучала.
Это оказалось опаснее приказа.
Замок Кутёж был слишком маленьким для долгого ожидания.
Коридоры она изучила за день.
Караулы — за два.
Кто из слуг любит пить, кто ворует со склада, кто боится подвала и кто за деньги готов забыть чужое лицо — за три.
Николаус не приходил.
Белого рыцаря больше не было.
Вильям не присылал новых приказов.
Мать тоже молчала.
На четвёртый день лже-Роза решила, что ожидание — это занятие для людей.
Она вышла из замка.
Одежда настоящей Розы сидела на ней почти идеально.
Почти.
Слишком чисто.
Слишком правильно.
Настоящая Роза носила вещи так, будто одежда должна была успевать за ней.
Лже-Роза пока носила их как костюм.
Она училась.

За пределами Кутежа дорога шла вдоль старого оврага.
Там она и встретила разбойников.
Шестеро взрослых мужчин остановили телегу с мукой.
Возчик лежал на земле.
Живой.
Один разбойник держал его за ворот.
Другой вытаскивал мешки.

Третий первым увидел девушку на дороге.
— Заблудилась?
Лже-Роза остановилась.
Посмотрела на него.
— Наверное.
Он улыбнулся.
Она тоже.
И выпустила похоть.
Не всю.
Мать учила, что сила желания похожа на запах.
Если вылить слишком много — человек понимает, что с ним что-то делают.
Если дать мало — он думает, что это его собственная мысль.
Лже-Роза дала мало.
Совсем чуть-чуть.
Первый разбойник перестал смотреть на телегу.
Второй забыл про мешок.
Третий выпрямился.
— Ты одна? — спросил он.
— Уже нет.
Он не понял.
Потом понял слишком поздно.
Лже-Роза прошла мимо него к главарю.
Тот был старше остальных. Седина в бороде. Короткий меч. Глаз человека, который пережил достаточно засад, чтобы не доверять красивым случайностям.
Он не улыбнулся.
— Назад, — сказал он.
— Почему?
— Потому что мои люди смотрят на тебя как идиоты.
— Значит, у них хороший вкус.
— Значит, ты ведьма.

Он вытащил меч.

Лже-Роза заинтересовалась.

— А ты умный.

— Это лечится расстоянием.

Он отступил на шаг.

Ещё один.

И действительно стал смотреть яснее.

Лже-Роза заметила.

Вот оно.

Граница.

Мать никогда не говорила точное расстояние. Потому что у каждой суккубы оно было своим.

У дочери — примерно двадцать шагов.

Дальше похоть слабела.

— Ещё два шага, — сказала она.

Главарь замер.

— Что?

— Сделай ещё два.

Он не стал.

Очень умный.

Тогда лже-Роза повернулась к остальным.

— Убейте его.

Пятеро мужчин дёрнулись.

Главарь выругался.

— Стоять!

Они слышали его.

Но хотели её одобрения сильнее.

Первый поднял нож.

Второй — дубину.

Лже-Роза почувствовала, как желание в них разгорается само.

Не любовь.

Не преданность.

Похоть, превращённая в готовность доказать, что именно он достоин её взгляда.

Она позволила им сделать два шага.

Потом подняла палец.

— Стоп.

Они остановились.

Главарь смотрел на неё с ненавистью.

— Зачем?

— Скучно было.

Он даже растерялся.

— Что?

— Я ждала одного человека. Он не пришёл.

Лже-Роза подошла ближе.

Главарь отступил.

Она пошла за ним.

Ещё шаг.

Ещё.

Он оказался у края оврага.

— А теперь, — сказала она, — ты мне расскажешь, кто ходит через Кутёж, кто торгует слухами и кто видел человека с номером 261.

— Пошла ты.

— Хорошо.

Она посмотрела на пятерых.

— Сядьте.

Они сели прямо в грязь.

— Видишь?

Главарь молчал.

— Я могу сделать из твоей банды очень воспитанных людей.

— Они очнутся.

— Наверное.

Она улыбнулась.

— Если уйдут достаточно далеко.

Главарь понял её слабость.

Лже-Роза увидела это по глазам.

— Спасибо.

— За что?

— Теперь знаю, что надо исправить.

Она шагнула вплотную.

Похоть накрыла его уже не запахом.

Волной.

Мужчина стиснул зубы.

Меч дрогнул.

Он сопротивлялся дольше остальных.

Пять секунд.

Десять.

Пятнадцать.

Потом опустил оружие.

— Как зовут? — спросила лже-Роза.

Он ответил.
Она не запомнила.
Имя ей было не нужно.
К вечеру у неё было уже две банды.
Одну она нашла у моста.
Вторую — в старом амбаре.
Лже-Роза не убивала тех, кто сдавался.
Ей было интереснее оставлять их живыми.
Люди под похотью становились удивительно полезными.
Один знал все тайные тропы к замку.
Другой продавал краденое людям Вильяма.
Третий видел гномьи обозы.
Четвёртый слышал, что 261 находится далеко на севере, в землях Голдо.
Последнее заставило её перестать улыбаться.
— Голдо, — повторила она.
Разбойник кивнул.
— Гномья крепость. Говорят, там война.
Она посмотрела на дорогу.

Николаус был дальше, чем хотелось.
Но теперь ей не нужно было просто ждать.
Она могла охотиться.
Лже-Роза выбрала шестерых самых сильных разбойников и оставила рядом с собой.
Остальным приказала разнести по дорогам слух:
Роза вернулась.
Роза ищет 261.
Роза готова заплатить за любую весть.
На расстоянии её власть над ними слабела.
Поэтому она не приказала им любить её.
Она сделала проще.
Пообещала, что тот, кто принесёт правду, снова увидит её.

Иногда желание работает лучше, когда его не дают.

Когда ночь опустилась на Кутёж, лже-Роза вернулась в замок с шестью вооружёнными мужчинами, которые шли за ней так тихо, будто боялись потерять право смотреть ей в спину.

Ей больше не было скучно.

В Небесной Обители люди всё ещё говорили слишком много.

О чуме.

О Вильяме.

О том, кого хоронят.

О том, кого уже перестали хоронить.

Култ Немых ничего не говорил.

Поэтому его начали слушать.

Первый знак появился на стене зернового склада.

Розовое солнце Вильяма.

Под ним — чёрная капля.

Ниже — телега с телами.

И стрелка от солнца к телеге.

Стража стёрла рисунок.

На следующий день таких было двенадцать.

На третий — сорок.

Немые не писали обвинений словами.

Слова можно было объявить ложью.

Они показывали.

Двое вставляли у чумной дороги.

Один надевал белый плащ с символом Вильяма.

Второй показывал пузырьёк.

Потом указывал на больных.

На замок.

На могильные телеги.

И проводил пальцем по горлу.

Не как угрозу.

Как знак молчания.

Люди сначала смеялись.

Потом перестали.

Потому что Немые не кашляли.

Они проходили через кварталы, где живые падали на колени от одного вдоха.

Поднимали тела.

Перетаскивали мешки.

Выводили детей из горящих домов.

Не говорили спасибо.

Не просили спасибо.

Просто показывали вниз.

Под город.

В катакомбы.

Однажды за ними пошли трое.
На следующий день — семь.
Потом двенадцать.
В подземелье их встречал Король Скелетов.
Он мог говорить.
Но в последние дни делал это всё реже.
Перед старой плавильней стояла металлическая табличка.
На ней было выбито:
«ЕСЛИ ВЕРИШЬ — ОСТАВЬ ГОЛОС».
Двенадцать человек стояли перед ней.
Кто-то был в одежде носильщика.
Кто-то — в остатках городской стражи.
Одна женщина пришла в лекарском фартуке.
Один старик держал в руках чумную маску сына.
Король Скелетов прошёл вдоль строя.
— Назад можно сейчас, — сказал он.
Никто не двинулся.
— После — нет.
Один молодой мужчина спросил:
— Мы умрём?
Король посмотрел на него пустыми глазницами.
— Да.
Несколько человек вздрогнули.
— И встанем?
— Если не отступите после первого огня — да.
— Какими?
— Уже не будете бояться чумы.
— Боли?
— Будут помнить.
— Голода?
— Нет.

— Вильяма?
Король Скелетов улыбнулся.
— Вот это проверим.
Двое ушли.
Он их не остановил.
Десять остались.
Немые кузнецы открыли плавильню.
Внутри горел синий огонь.
Не горячий.
Он не обжигал кожу.
Он обжигал звук.
Первый доброволец лёг в железную форму.
Ему закрыли лицо чумной маской.
На внутреннюю сторону шлема положили тонкую пластину с синими буквами.
Не именем.
Маршрутом.
Склад.
Южные ворота.
Казарма.
Три лестницы в замок Вильяма.
То, что человек знал при жизни.

Кузнец опустил рычаг.
Синий огонь прошёл через форму.
Мужчина закричал.
Но крик оборвался на первом звуке.
Не потому, что он умер сразу.
Потому что плавильня забрала голос раньше.
Его тело выгнулось.
Сердце остановилось.
Через несколько секунд синие буквы на пластине вспыхнули.

Человек сел.

Нет.

Уже не человек.

Немой.

Он повернул голову к Королю Скелетов.

Поднял кулак к груди.

Тот же жест, который когда-то делали паладины.

Но теперь без присяги Вильяму.

Второй лёг сам.

Потом третий.

Лекарка перед своей очередью сняла фартук.

Сложила аккуратно.

И положила сверху записку.

«Если я не встану — сожгите».

Она встала.

Старик с маской сына поднялся последним.

Когда синий огонь погас, он долго сидел неподвижно, сжимая маску в руках.

Потом приложил её к груди.

Никто не произнёс молитву.

Она была уже не нужна.

К утру все десять, которые не ушли до начала переплавки, стояли перед Королём Скелетов.

Десять новых Немых.

Король Скелетов вывел их в зал.

На стене висела карта города.

Он не стал давать речь.

Просто указал.

Первому — склады.

Второму — карантинные телеги.

Третьему — казармы.

Четвёртому — водяные башни.

Пятому — нижний мост.

Шестому — служебные лестницы Вильяма.

Седьмой был лекаркой.

Король задержал палец над картой.

Потом указал на чумной госпиталь.

Она кивнула.

На выходе новые Немые увидели ещё одну металлическую табличку.

«НЕ ГОВОРИ. ПОМНИ».

Они не могли прочитать её вслух.

И именно поэтому запомнили.

Култ ещё не поднял восстание.

Он делал хуже.

Он становился частью города.

Мы нашли служебную площадку под котлом через десять минут после его остановки.

Я нашёл её случайно.

Эллари сказала, что случайности у меня обычно заканчиваются взрывом.

На этот раз закончилась лестницей.

Она была спрятана за золотой пластиной, которую мы оторвали от глубинной жилы.

Вниз уходили узкие ступени.

Молодой бомбомётчик стоял у края и смотрел на них так, будто они вели в желудок Голдо.

— Ты был там? — спросил я.

— Нет.

— Кто был?

— Крагг. Голдо. Иногда личные варщики.

— Нитбул?

Гном долго молчал.

— Один раз.

— Что сказал?

— Что внизу слишком тихо для хорошей бомбы.

Эйра посмотрела на меня.

— Похож на него.

— Был.

Она поправилась сама.

Молодой гном ничего не сказал.

Мы не пошли вниз сразу.

Потому что над котлом ожил третий портал.

Не сам переход.

Только аварийное зеркало связи, встроенное в старую трубу.

Сначала в стекле появился песок.

Потом чёрная стена.

Потом лицо.

Возвращённый Владыка.
Он выглядел хуже, чем в последний раз, когда я его видел.
На плаще была песчаная кровь червя.
На руках — чёрные ожоги.
За его спиной я увидел тронный зал Башни.
А за окном — пустыню.
Настоящую.
Башня действительно стояла у Матери.
— Связь держится, — сказал он.
Голос шёл рывками.
— Вижу.
Я хотел спросить про перенос.

Про Сердце.
Про Арену.
Про то, кто дал ему право.
Но спросил другое.
— Где Гнарл?
Он не отвёл взгляд.
Эйра перестала двигаться.
Эллари опустила цепь.
Возвращённый Владыка ответил сразу.
— Мёртв.
Я знал.
Наверное.
После того, как Башня перенеслась его знаком.
После того, как никто не произнёс его имя.
После пустоты, которая всё это время сидела у меня внутри.
Но знание без слова иногда остаётся надеждой.
Теперь слова были.
— Как?

Помеха прошла по зеркалу.

— Червь. Он понял, что снаружи его не убить.

— И?

— Попросил бросить себя внутрь.

Я закрыл глаза.

Конечно.

Гнарл обязательно выбрал бы план, который сначала назвал бы идиотским, если бы предложил его кто-то другой.

— Он разрушил центральный узел изнутри, — продолжил Владыка. — Я закончил двенадцать каналов.

— Последние слова?

Владыка посмотрел куда-то в сторону.

На Сердце.

На расколотый каменный знак.

— «Домой».

В груди что-то сжалось.

Не боль.

Боль была понятнее.

Эйра подошла ближе ко мне.

Не коснулась.

Эллари тоже ничего не сказала.

И правильно.

— Башню ты перенёс его знаком? — спросил я.

— Одноразовым правом управляющего.

— Сердце тебя признало?

— Старый отпечаток. Не хозяина.

Он повернул зеркало так, чтобы я видел стену.

На ней горела строка.

ВЛАДЕЛЕЦ: НИКОЛАУС / 261.

— Право не изменено, — сказал Владыка.

— Арена?

— Осталась на старом месте.

— Очки ЗЛА?

— Там же. Связь сохранили, но понадобится новый якорь.

— Порталы?
— Перестраиваются.
— Мать?
Он посмотрел в окно.
Вдалеке лежала огромная статуя.
— Рядом.
Я кивнул.
Хотел сказать что-то про Гнарла.
Не смог.
Возвращённый Владыка понял.
— Он не просил прощаться.
Это звучало очень по-гнарловски.
Я усмехнулся.
На один вдох.
Связь затрещала.
— Николаус, — сказал Владыка.
— Что?
— Здесь, в пустыне, что-то изменилось после переноса. Не только портал.
— Кан?
— Пока не видел.
— Юлия?
— Тоже.
— Тогда держи Башню.
— Я не хозяин.
— Я сказал «держи», а не «владей».
Он кивнул.
Связь оборвалась.
В стекле снова остался только песок.
Потом ничего.
Я долго смотрел на пустую поверхность.
— Он бы сказал, что у нас нет времени стоять, — тихо произнесла Эйра.

— И ещё что-нибудь о редкой форме добровольной глупости, — добавила Эллари.

— Да.

Я поднял Zego.

— Значит, не будем его разочаровывать.

В этот момент по пивоварне ударил аварийный колокол.

Один раз.

Второй.

Третий.

Молодой бомбомётчик резко повернулся к стене.

— Это не крепость.

— Что?

— Шахтный сигнал.

В медной трубе ожил голос.

— Всем внутренним постам. Изумрудная шахта потеряла нижний забой. Повторяю: нижний забой потерян. Неизвестная слизневая форма. Эвакуация рабочих. Эвакуация обработанного камня. Королевскую плавильню подготовить к снятию.

Эйра подняла бровь.

— Слизни.

Молодой гном побледнел.

— Там не должно быть слизней.

— Теперь есть.

Голос продолжил:

— По приказу Голдо боковой глубинный проход перевести в аварийный режим. Командование принимает Крагг.

Я посмотрел на Эллари.

Она уже смотрела на меня.

Крагг.

Глубинный проход.

Изумрудная шахта.

Слишком много полезных слов в одном сообщении.

— Ловушка, — сказала Эллари.

— Конечно, — ответила Эйра.

Молодой бомбомётчик посмотрел на нас обоих.

— Тогда почему вы выглядите так, будто собираетесь туда?

Я подошёл к стене.

Под золотой картой пивоварни была старая схема коммуникаций.

Изумрудная шахта действительно соединялась с боковой веткой глубинной системы.

Не прямо с хранилищем.

Но достаточно близко.

Ещё одна линия уходила от шахты к старой жиле под котлом.

Той самой, которая отзывалась на Ключи Бездны.

— Потому что ловушка поставлена на дороге, которая нам нужна, — сказал я.

— Это всё равно ловушка.

— Да.

— Там Крагг.

— Да.

— И неизвестные слизи, которые жрут изумруды.

Эйра улыбнулась.

— Теперь звучит убедительно.

Гном посмотрел на Эллари.

— Ты тоже?

Она пожала плечами.

— Я слышу под шахтой тот же старый ритм.

— Вы сумасшедшие.

— Ты пошёл с нами к котлу.

— Я совершил одну ошибку.

— Поздно останавливаться.

Аварийный колокол ударил снова.

Где-то далеко по рельсам пошёл тяжёлый грохот.

Плавильню снимали с основания.

Изумруды вывозили.
Голдо очищал шахту перед тем, как превратить её в могилу.
Мы этого ещё не знали.
Одноглазый уже ждал там Крагга.
Этого мы тоже не знали.
Мы знали только одно.
Пивной котёл Голдо больше не мог варить себе бессмертную армию.
Глубинная жила была открыта.
А следующая дорога вела в Изумрудную шахту.
Я посмотрел на погасшую золотую чашу.
— Гнарл бы не одобрил.
Эйра подняла обломок копья.
— Поэтому идём?
— Поэтому сначала проверим, нет ли ещё одной бомбы.
Молодой бомбомётчик впервые за весь день рассмеялся.
Эллари подняла цепь.
— Вот теперь он бы одобрил.
Мы пошли к шахтному подъёмнику.
За спиной пивной котёл Голдо оставался тёмным.
Под ним древняя белая жила продолжала биться.
И где-то глубоко в горе третий Ключ Бездны ответил на этот ритм ещё одним слабым ударом.
В Изумрудной шахте к этому времени уже не осталось ни одного безопасного нижнего яруса.
Последний вагон обработанных камней уходил наверх.
Гномы резали крепления плавильни.
Зелёные чудовища ползли по потолку.
Один слизень был уже размером с дом.

В его прозрачном теле медленно вращались целые куски изумрудной жилы.

Каждый раз, когда охрана бросала в него заклинание, зелёные кристаллы вспыхивали и возвращали часть силы обратно.

Шахта стала красивой.

И совершенно непригодной для жизни.

В боковом тоннеле Одноглазый услышал тяжёлые шаги.

Не рабочие.

Не охрана.

Крагг.

Одноглазый прикоснулся к шести целым ключам на поясе.

Потом к сломанному огненному обломку.

Улыбнулся.

— Наконец.

А на верхнем уровне другой гном закрыл последнюю кассу с изумрудами и получил новый приказ Голдо:

оставить шахту живой ровно настолько, чтобы в неё успел войти 261.

После этого — замуровать всё.

Вместе со слизнями.

Вместе с Краггом, если понадобится.

Вместе с нами.

Голдо уже посчитал цену.

Он счёл её приемлемой.

Семьдесят четвёртая глава

«Обман»

Из глубинной пивоварни мы вышли не через ту дверь, через которую вошли.

Главный подъёмник после остановки котла решил, что ему тоже нужен отдых.

Поэтому молодой бомбомётчик повёл нас по сервисному тоннелю.

Тоннель шёл вверх под таким углом, будто гномы строили его специально для тех, кто уже ранен и хочет понять, насколько сильно.

На третьем пролёте бок снова открылся.

Я почувствовал это раньше, чем увидел кровь.

Тёплая полоска пошла под рубахой.

Эйра заметила.

— Не смотри.

— Я и не смотрю.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Потому что ты капаяшь на ступени.

Я посмотрел вниз.

— Это не моё.

Эллари остановилась за нами.

— Твоё.

— Предательница.

— Я старшая сестра. Это должность.

Молодой гном впереди не обернулся.

— Если закончите спорить с собственной кровью, наверху хуже.

— Очень обнадёживает, — сказала Эйра.

Её левая щека после пара была красной почти до уха. Волосы с той стороны подсохли жесткими прядями. Эллари шла медленнее обычного. После котла она всё ещё время от времени касалась стены кончиками пальцев, будто проверяла, не вернулся ли глубинный ритм.

Не вернулся.

Котёл Голдо молчал.

Это было хорошей новостью.

Плохой было всё остальное.

Мы поднялись ещё на два пролёта.

Гном открыл маленькую железную дверь.

В лицо ударил холодный воздух.

Я вышел наружу.

И впервые увидел замок Голдо целиком.
До этого крепость была для меня стенами.
Коридорами.
Тюрьмой.
Золотой шахтой.
Пивоварней.
Каждый раз — куском.
Теперь перед нами стояло всё.
Замок был высечен прямо из горы.
Не построен возле неё.
Гора и была замком.

Чёрный камень поднимался ярусами до облаков. В него были врезаны золотые галереи, медные башни, мосты, решётки и гигантские шахтные подъёмники. Центральная цитадель стояла впереди, как кулак, сжатый вокруг вершины.

Ни одного красивого окна.
Ни одной башни ради красоты.
Каждая щель могла стрелять.
Каждый мост мог подняться.

Каждая стена выглядела так, будто Голдо заранее спросил у камня, где именно тот сломаётся, и укрепил это место золотом.

Перед центральным входом лежал глубокий вырезанный ров.
По дну шла чёрная вода.
Подъёмный мост был поднят.
По ту сторону виднелись закрытые ворота.
Над ними висела золотая корона.
Эйра посмотрела на замок.

— С скромный.
— Очень.
Эллари коснулась перил.
— Он пустой не выглядит.

— Потому что не пустой, — сказал молодой бомбомётчик. — Внутренняя крепость ещё почти цела.

Справа от замка раздался крик.

— ВТОРОЙ ПОДЪЁМНИК СТОП!

Потом другой.

— ПЛАВИЛЬНЮ НЕ ТЯНУТЬ! РЕЛЬСЫ ПОВЕЛО!

И третий.

— НИЖНИЙ ЗАБОЙ ПОТЕРЯН! НЕ ПУСКАТЬ РАБОЧИХ ВНИЗ!

Мы одновременно повернули головы.

Далеко справа, за двумя каменными уступами, в горе зиял огромный зелёный проём.

Изумрудная шахта.

Даже отсюда было видно, как из неё вырывается дым.

Не чёрный.

Зелёный.

По дороге к шахте шли гномы.

Одни бежали туда.

Другие — оттуда.

Третьи тащили ящики, бочки, кассы, связки металлических рам и длинные закрытые контейнеры.

Алчность Голдо работала даже во время катастрофы.

Сначала имущество.

Потом люди.

И только потом смерть.

— Они действительно вывозят всё, — сказала Эллари.

— Голдо не любит терять деньги, — ответил молодой гном.

— Даже если собирается потерять шахту?

Он ничего не сказал.

Потому что мы оба знали ответ.

Особенно если собирается потерять шахту.

Я сделал шаг к дороге.

Слева кто-то тихо произнёс:

— Не бейте.

Я остановился.

Сначала никого не увидел.

Потом заметил цепи.

Они шли от каменных колец у воды к людям, сидевшим вдоль внешней стены замка.

Не гномам.

Эльфам.

Их было около тридцати.

Мужчины.

Несколько стариков.

Двое совсем молодых.

Все в серой рабочей одежде, пропитанной каменной пылью и золотым песком. На лодыжках — широкие железные кольца. Цепи уходили прямо в камень.

Один эльф поднялся насколько позволила привязь.

— Пожалуйста.

Эйра уже была рядом.

Она присела перед ближайшим кольцом.

— Кто это сделал?

Эльф посмотрел на замок.

— Как думаешь?

— Я уточняю.

— Голдо.

Молодой бомбомётчик резко поднял руку.

— Не ломай.

Эйра посмотрела на него.

— Повтори.
— Цепь сигналиит в караульную.
— Тогда ломай ты.
Гном подошёл к анкерам.
Осмотрел.
Провёл пальцами по четырём маленьким медным точкам.
— Старый режим.
— Насколько старый?
— До Нитбула.
Он вынул тонкую пластину.
Я узнал её.
Таковыми он обезвреживал обратные заряды в пивоварне.
— Десять минут, — сказал он.

— У нас есть пять, — ответил я.
— Тогда половина.
— Все.
Он посмотрел на меня.
— Это так не работает.
Я поднял кольцо.
— Значит, сегодня работает.
Гном вздохнул.
— Хорошо. Только не тяни металл, пока я не сниму сигнальную жилу.
Он лёг на камень.
Эйра помогла первому эльфу сесть.
Эллари прошла вдоль цепи.
— Здесь не только сигнал.
— Что ещё? — спросил я.
— Ритм.
Молодой бомбомётчик кивнул.
— Если две цепи рвутся одновременно, ворота получают отметку побега.

— А если двадцать?

— Тревогу по всему двору.

— Значит, не рвём.

Я присел перед старшим эльфом.

У него не было половины левого уха.

— Что вы делали здесь?

— Камень.

— Очень подробно.

— Носили камень.

— Уже лучше.

Он усмехнулся.

Слабо.

— Из замка в пивоварню. Из пивоварни в кузни. Потом обратно. Когда начались взрывы, нас бросили здесь. Охрана ушла внутрь.

— Женщины?

Улыбка исчезла.

Эльф посмотрел на Эйру.

Потом на Эллари.

— В замке.

— Сколько?

— Из нашего каравана — девятнадцать.

Молодой эльф рядом перебил:

— Двадцать одна.

Старший закрыл глаза.

— Две умерли по дороге.

Тишина продержалась секунду.

Больше нам не дали.

Справа снова ударил шахтный колокол.

Эльф продолжил:

— Женщин забрали внутрь два месяца назад.

— Зачем?

— Голдо сказал, что эльфийские пальцы лучше чувствуют старую вязь.

Эллари подняла голову.

— Какую вязь?

— Под замком.

— Белые жилы?

Старший эльф посмотрел на неё иначе.

— Ты слышишь?

— Иногда.

Он кивнул на крепость.

— Там держат наших женщин. Не в тюрьме. В внутренних мастерских. Они читают старые линии, открывают швы, проверяют камень. Голдо не доверяет гномам там, где камень помнит эльфов.

Я посмотрел на замок.

Теперь за поднятым мостом было не только Голдо.

Там были люди, которых я ещё не успел пообещать спасти.

Это обычно заканчивалось одинаково.

Я обещал.

— Мы вернёмся за ними.

Старший эльф долго смотрел на меня.

— Ты даже не знаешь, как войти.

— Это временная проблема.

— А если не вернёшься?

— Тогда мне будет уже всё равно.

Эйра покосилась.

— Умеешь вдохновить.

— Учусь.

Молодой эльф вдруг спросил:

— Вы идёте в Изумрудную шахту?

— Да.

Он побледнел.

— Тогда вы можете пройти под замком.

Молодой бомбомётчик перестал ковырять замок.

— Что?

— Старый путь.

— Какой ещё путь?

Эльф кивнул на зелёный проём.

— Плавильня.

Гном медленно поднялся.

— Какая?

— Вечняя.

На этот раз побледнел уже он.

Эйра заметила.

— По лицу вижу: слово хорошее.

— Это старое название, — сказал гном.

— Чего?

— Изумрудной плавильни.

— Той, которую сейчас вытаскивают?

Он кивнул.

Старший эльф продолжил:

— Мы носили к ней защитные пластины. Под третьим ярусом плавильни есть боковой ход. Его закрывали золотой стеной. За стеной — старый камень. Белый. Рабочих туда не пускали.

Эллари присела и положила ладонь на землю.

Несколько секунд ничего.

Потом её пальцы дрогнули.

— Тот же ритм.

Я посмотрел на неё.

— Как под котлом?

— Да.

Молодой бомбомётчик выругался.

Очень тихо.

— Поэтому плавильню и не оставляют.

— Что ты имеешь в виду?

— Если шахту сложат, а плавильня останется на третьем ярусе, она закупорит боковой путь.

— Голдо собирается сложить шахту?

Старший эльф резко повернул голову к гному.

Тот понял, что сказал лишнее.

— Не сейчас.

— Убедительно.

— Есть аварийные опоры.

— Пять?

Он посмотрел на меня.

— Откуда знаешь?

— Голдо любит считать.

Гном вернулся к замкам.

— Я ничего не говорил.

— Конечно.

Первое кольцо щёлкнуло.

Потом второе.

Эйра начала снимать цепи.

Мы работали молча.

Молодой бомбомётчик обезвреживал сигнальные точки.

Я кольцом вытягивал штифты только после его кивка.

Эллари удерживала ритм цепи, чтобы остальные анкеры не почувствовали пропажу соседей.

Через семь минут тридцать эльфов перестали принадлежать камню.

Никто не закричал.

Это мне понравилось.

Старший эльф поднялся.

— Куда нам?

Я указал на сервисную дверь пивоварни.

— Внутрь не возвращаться. За ней второй поворот направо, потом лестница вниз и старый слив. Там уже нет работающего котла.

— Там гномы.

— Там меньше гномов, чем в замке.

Он кивнул.

— Женщины.
— Я помню.
— Плавильня Вечния.
— Тоже.
Он сжал моё предплечье.
— Если увидишь белую жилу — не бей.
Я посмотрел на него.
— Уже научили.
Эллари усмехнулась.
— Почти.
Эльфы ушли по одному.
Мы остались у дороги.
Перед нами — замок.
Справа — шахта.
Под нами — белая жила.
А где-то внутри всего этого Голдо уже приготовил цену нашей ошибки.
— В шахту, — сказал я.
Молодой бомбомётчик поправил ремень.

— Там Крагг.
— Знаю.
— И слизни.
— Знаю.
— И, возможно, обрушение.
— Это новое.
Эйра ткнула его обломком копья в плечо.
— Не порть настроение.
Мы пошли вправо.
Возвращённый Владыка дождался, пока связь с пивоварней погаснет.
Потом убрал руку от Сердца Башни.
Никто не заметил, что он держал её там дольше, чем было нужно.

Красный старший стоял у третьего портала.

— Он услышал?

— Да.

— Про Гнарла?

— Да.

Красный старший молчал.

Возвращённый Владыка посмотрел на расколотый каменный знак управляющего.

Две половины лежали у Сердца.

Больше ни одна не светилась.

— Николаус приказал держать Башню, — сказал красный.

— Я помню.

— Тогда куда ты собрался?

Возвращённый Владыка посмотрел на окно.

За ним была пустыня.

Белая статуя Матери лежала среди дюн.

Чуть дальше чернел разрезанный песочный червь.

— Проверить периметр.

Красный усмехнулся.

— У нас есть зелёные.

— Я знаю.

— Есть красные.

— Тоже знаю.

— Ты не хозяин.

Владыка повернулся.

— Именно поэтому могу выйти.

Красный старший не улыбнулся.

— Вернёшься?

— Если смогу.

Это была правда.

Не вся.

Он вышел из тронного зала.

Прошёл через нижние склады.

Через кузню, где белый огонь снова стал обычным.

Через внешний коридор.

Никто его не остановил.

После переноса Башня относилась к нему странно.

Не как к хозяину.

Не как к врагу.

Как к старому ключу от двери, которой больше не существовало.

Он вышел наружу.

Песок ударил в лицо.
Возвращённый Владыка спустился с каменных ступеней.
За спиной Башня впервые за многие годы стояла не там, где её построили.
Это должно было вызывать в нём гордость.
Не вызвало.
Он сделал то, что было нужно.
Сохранил дом.
Сохранил владельца.
Сохранил связь.
Передал слова Гнарла.
Всё это было настоящим.
И всё это не означало верности Николаусу.
Под плащом, возле рёбер, шевельнулась чёрная нить.
Не рана.
Приказ.
Клык вернул его не ради Башни.
Не ради Гнарла.
Не ради второго шанса.
Роза.
261.
Две цели.
Старый долг.
Возвращённый Владыка остановился у дюны.
Достал из-под плаща маленький чёрный обломок.
Не Ключ Бездны.
Не камень.
Кусок кости из того места, где Клык собирал его тело обратно.
Кость была холодной.
— Я помню, — сказал Владыка.
Песок под ногами дрогнул.
Голоса не было.

Клыку не требовалось отвечать.
Приказ уже жил внутри.
Возвращённый Владыка посмотрел на Башню.
Он мог попытаться убить Николауса при первой встрече.
Не стал.
Мог отрезать портал.
Не стал.
Мог солгать о Гнарле.
Не стал.
Потому что мёртвый 261 сейчас был бесполезнее живого.
Два Ключа уже собраны.
Третий где-то у Голдо.
Четвёртый связан с Вильямом.
Николаус сам открывал дорогу к тому, ради чего Клык слишком долго ждал.
Пусть открывает.
Пусть собирает.
Пусть ломает чужие стены.
А когда двери останутся без печатей...

Тогда убить одного человека будет проще, чем искать четыре ключа по четырём безднам.
Возвращённый Владыка усмехнулся.
— Гнарл бы назвал это мерзостью.
Он посмотрел на расколотый знак, которого уже не было в руке.
— И был бы прав.
Это ничего не меняло.
Доверие Николауса не было дружбой.
Это была дистанция удара.
Чем ближе он подпустит Возвращённого Владыку, тем меньше понадобится времени.
Он развернулся от Башни.
Не к Матери.
Глубже в пустыню.

Туда, где под песком всё ещё чувствовался старый чёрный след Клыка.
Никто из демонов не пошёл следом.
Они думали, что он проверяет пустыню.
Он позволил им так думать.
Дорога к Изумрудной шахте была забита ранеными.
Первые двое гномов прошли мимо, не поднимая глаз.
У одного рука была замотана зелёной тканью.
Ткань светилась.
У второго отсутствовал кусок шлема.
Третий нёс на спине огнемётный ранец, у которого расплавил половину трубы.
Потом показался целый отряд.
Одиннадцать гномов.
Двое поддерживали раненого.
Трое несли короткие огнемёты.
Остальные держали топоры.
На броне — зелёные царапины.
Не краска.
Изумрудная пыль.
Молодой бомбомётчик резко схватил меня за плащ.
— В сторону.
— Они уже нас видят.
— Не вас.
Он стянул с пояса маску.
Ту самую.
Потрескавшуюся после двора.
Надел.
Эйра подняла бровь.
— План?
— Вы трое за подпорной стеной.
— Очень героический.
— Хотите информацию?
— Уже любим.
Мы отошли за разрушенную каменную опору дороги.
Отсюда гномов было видно.
Нас — почти нет.
Молодой бомбомётчик вышел один.

Его походка изменилась.
Плечи стали жёстче.
Руки — ближе к поясу.
Он снова стал гномом из группы «Бомба».
Хотя группы больше не было.
— Стой! — крикнул первый раненый.
Бомбомётчик остановился.
— Нижний аварийный связной! Группа «Бомба»!
Гномы переглянулись.
— «Бомба» мертва.
— Командир мёртв. Приказы ещё нет.
Это сработало.
Я увидел по лицам.
Нитбул даже после смерти оставался достаточно страшным, чтобы его последние слова могли открывать дороги.
Старший раненый подошёл ближе.
— Где был?
— Котловой круг.
— Там чужие.
— Были.
Ложь прозвучала без дрожи.
— Крагг приказал проверить вывод плавильни.
Старший сплюнул зелёной слюной.
— Тогда опоздал.
— Насколько?
— На третий ярус.
— Плавильня?
— Застряла.
— Почему?
— Рельс сожрали.
— Рельс нельзя сожрать.

— Расскажи слизням.
Несколько гномов нервно засмеялись.
Бомбомётчик сделал шаг ближе.
— Нижний забой?
— Потерян.
— Второй?
— Половина.
— Третий?
— Пока держат Крагг и огнемётчики.
— Сколько крупных?
Старший посмотрел назад.
— Крупных?
— Размер.
— С телегу — много.
— С дом?
Молчание.
— Один.
Бомбомётчик не шевельнулся.
— Отражение?
— Прямое.
— Огонь?
— По броне уходит в сторону. Если жарить долго — кристалл мутнеет, но они за это время успевают съесть тебя.
— Металл?
— Едят.
— Дерево?
— Не любят.
— Воду?
Старший нахмурился.
— Не знаю.
Эллари рядом со мной чуть наклонила голову.
Я понял.
Запомнила.
Бомбомётчик продолжил:
— Вечния где?
Старший выругался.
— На третьем подъёмном круте.
— Крепления?
— Четыре сняли. Пятое не отпускает.
— Королевский замок?
— Да.
— Кто откроет?
Старший постучал по груди.
— Крагг.
Молодой гном замер на долю секунды.
— Сам?
— А кто ещё? Запасной огонь у него.
Эйра посмотрела на меня.
Я не ответил.

Одноглазый.
Вот зачем ему был нужен Крагг.
Не просто вытащить из крепости.
Заставить достать ключ.
Старший раненый продолжал:
— Голдо приказал вынести Вечнию до последнего болта.
— А потом?
— Закрыть нижнюю шахту.
— Каким режимом?
— Пять опор.
Бомбомётчик чуть повернул голову.
Мы увидели только край маски.
— Все пять?
— Все.
— Снаружи?
— Вторая, третья, пятая — изнутри.
— Люди?
— Вывести.
— Крагг?
Старший гном посмотрел на него.
— Крагг выйдет последним.
Молодой бомбомётчик молчал.
— Боковой ход? — спросил он.
— Какой?
— За Вечнией.
Лицо старшего изменилось.
— Не твоё дело.
— Теперь моё. Если плавилиню потащат не по тому углу, золотую стену сорвёт.
— Стену не трогать.
— Значит, есть.

Старший поднял топор.

— Ты слишком много спрашиваешь.

Бомбомётчик не отступил.

— А ты слишком мало отвечаешь человеку Крагга.

Ещё одна ложь.

Но произнесена правильно.

Старший опустил топор.

— Боковой ход закрыт. Белая жила слышит. После первого взрыва там пошёл свет. Крагг запретил приближаться.

— Что за дверью?

— Старые коммуникации.

— К хранилищу?

— Нет.

— Куда?

— Глубже.

Бомбомётчик кивнул.

— Это всё.

— Не всё.

Старший схватил его за плечо.

— Если идёшь вниз, не слушай стук.

— Какой?

— Три коротких. Один длинный.

— Почему?

Раненый гном посмотрел на шахту.

— Слизни уже научились повторять сигнал рабочих.

Даже Эйра перестала улыбаться.

Молодой бомбомётчик кивнул.

— Идите к замку.

— Там закрыто.

— Южная воротная ниша принимает раненых.

— Откуда знаешь?

— Я ставил её заряд.

Старший решил, что это достаточное объяснение.

Отряд пошёл дальше.

Молодой гном дождался, пока они скроются.

Потом снял маску.

Подошёл к нам.

— Ну?

— Ты страшнее, когда врёшь, — сказала Эйра.

— Спасибо.

— Это не было похвалой.

Он посмотрел на меня.

— Третий ярус. Плавильня Вечния застряла. Пятое крепление держит королевский огненный замок. Крагг должен открыть его запасным ключом.

— Одноглазый это знает.

— Скорее всего.

— Пять опор?

— Реальные.

— И если их уронить?

— Шахта складывается секциями.

— Насколько быстро?

— Если правильно — за две минуты.

— Если неправильно?

— За одну.

Эллари посмотрела на землю.

— Белый ход глубже.

— Да.

— Это наша дорога.

Молодой гном кивнул.

— И могила Голдо.

— Удобно.

Эйра посмотрела на шахту.

— Мне не нравится слово «удобно», когда рядом ты.

Я коснулся бока.

Кровь почти перестала идти.

Почти.

— Нам нужно войти до того, как они вытащат плавильню.

— Почему? — спросил гном.

— Потому что потом Голдо перестанет нуждаться в шахте.

Он понял.

— Тогда ускоряемся.

Мать суккубов вошла в замок Вильяма через окно.

Не потому, что двери были закрыты.

Потому что двери подразумевали просьбу войти.

Она не просила.

Стекло распахнулось от одного движения крыла.

В комнате Розы погасли три свечи.

Роза сидела у стола.

На ней больше не было цепей на руках.

Это Мать заметила первой.

Вильям стоял у камина.

Это она заметила вторым.

— Как мило, — сказала Мать. — Вы уже дошли до стадии, где пленнице разрешают пользоваться пальцами.

Вильям не повернулся.

— Ты не стучишь.

— Ты наблюдателен.

Роза посмотрела на неё.

Глаза были спокойными.

Слишком спокойными.

Мать суккубов улыбнулась.

— Девочка.

— Я не ваша девочка.

— Уже интереснее.

Она подошла.

Золотисто-розовая линия под кожей Розы едва светилась.

Мать увидела разрыв.

Один узел был ослаблен.

Не снят полностью.
Но уже не держал голос так, как должен.
— Кто тебе помог?
Вильям повернулся.
— Что ты здесь делаешь?
Мать не посмотрела на него.
— Где 261?
Роза молчала.

Линия на шее нагрелась.
Но не вспыхнула.
— Не знаю.
Мать прислушалась.
К проклятию.
К дыханию.
К крови.
Ложь не пришла.
Роза действительно не знала.
— Когда видела его последний раз?
— До разрыва.
— Куда он пошёл?
— Если бы знала, первый ответ был бы другим.
Мать усмехнулась.
— Хорошо.
Она вытянула руку к шее Розы.
Вильям оказался между ними быстрее.
Не ударил.
Просто перехватил запястье.
— Не трогай её.
Комната стала тише.
Мать суккубов посмотрела на его пальцы.

Потом на лицо.
— Отпусти.
— Розу не трогать.
— Это приказ?
— Да.
Роза опустила глаза.
Не из страха.
Чтобы Вильям не увидел улыбку.
Мать суккубов медленно высвободила руку.
— Ты проклял женщину цепями желания.
— И?
— Посадил возле себя.
— И?
— Теперь запрещаешь другим прикасаться.
Вильям улыбнулся.
— Ревнуешь?
Мать рассмеялась.
Коротко.
— Ты всегда путаешь власть с похотью.
— А ты похоть с властью.
— Нет.
Она наклонилась к нему.
— Я их продаю отдельно.
Вильям перестал улыбаться.
Мать повернулась к Розе.
— Мне нужна свежая кровь 261.
Роза ничего не сказала.
— Не твоя. Его.
— У меня нет.
— Знаю.
— Для Чаши?
Вильям резко посмотрел на Розу.
Мать заметила.

— Значит, знаешь про Чашу.
Роза поняла, что сказала лишнее.
Но слишком поздно.
— Она не твоя, — сказал Вильям.
Мать повернула голову.
— Что?
— Чаша.
— Повтори.
— Не трогай Розу. И не используй Чашу без меня.
Мать суккубов смотрела на него несколько секунд.
Потом подошла к окну.
— Вильям.
— Что?
— Пошёл ты.
Роза всё-таки улыбнулась.
Мать расправила крылья.
— Когда найдёшь 261, не убивай его сразу.
— Почему?
— Потому что мне нужна его кровь.
— А если мне нужен он сам?
Мать посмотрела через плечо.
— Тогда впервые в жизни научишься делиться.
Она прыгнула из окна.
Вильям подошёл к проёму.
За замком горел закат.
Серый чумной дым смешивался с красным светом.
Мать суккубов прошла сквозь него и ушла на запад.
Не к таверне.
Сначала — к старым дорогам.
Если Роза не знала, где 261, его найдут слухи.
Кровь.

И те, кто слишком любит деньги.
В комнате Роза коснулась шеи.
Вильям услышал.
— Что?
— Ничего.
— Ты улыбалась.
— Возможно.
Линия не вспыхнула.
Вильям это увидел.

И впервые за вечер его лицо стало действительно холодным.
Култ Немых не взял Небесную Обитель штурмом.
Это было бы громко.
Они просто переставили людей.
Сначала на чумном подъёмнике.
Потом в двух складах.
Потом на нижнем мосту.
Потом в госпитале.
Потом на водяной башне.
Когда Вильям приказал пересчитать караулы, оказалось, что списки правильные.
Только люди в них были уже не те.
Король Скелетов стоял перед картой города.
На ней не было ни одного слова.
Только цветные булавки.
Белые — посты Вильяма.
Синие — Немые.
Чёрные — мёртвые зоны чумы.
За три дня синих стало больше белых.
Скелет без нижней челюсти поднял табличку.
На ней было написано:
62%.

Король Скелетов посмотрел.
— Районов?
Скелет кивнул.
Вторая табличка:
3 ИЗ 9 КЛЮЧЕВЫХ ТОЧЕК.
Чумной подъёмник.
Нижний мост.
Западная водяная башня.
Остальные ещё держал Вильям.
Замок.
Главные казармы.
Верхние ворота.
Арсенал.
Храм очищения.
Центральный резервуар.
Король Скелетов провёл костяным пальцем по карте.
— Не брать замок.
Один Немой в старом паладинском доспехе наклонил голову.
Король пояснил:
— Пусть думает, что город его.
Он указал на казармы.
Потом на склады.
На госпитали.
На дороги телег.
— Дом принадлежит тому, кто знает, где у него лестницы.
Немая лекарка поставила синюю булавку возле чумного госпиталя.
Не захвачен.
Но персонал уже помогал им.
Живые.
Не переплавленные.
Не Немые.
Просто люди, которые больше не верили розовому солнцу.

На стене рядом висел новый рисунок.
Солнце.
Под ним пузырьрёк.
Потом тела.
Потом ладонь, закрывающая рот.
Ни одной буквы.
Стража Вильяма снова пыталась стирать такие знаки.
Перестала успевать.
В одном квартале рисовали два.
В другом — пять.
В третьем люди уже сами проводили пальцем по горлу, когда мимо шёл патруль.
Не угроза.
Обещание.
Молчать.
Помнить.
Ещё десять добровольцев стояли возле старой плавильни.
Король Скелетов посмотрел на них.
— Назад можно сейчас.
Никто не ушёл.
— После первого огня — нет.
Одна женщина подняла чумную маску.
Положила на пол.
Король кивнул.
— Тогда начинайте.
Синие буквы вспыхнули.
Над Небесной Обителью всё ещё висели флаги Вильяма.
По улицам всё ещё ходила его стража.
В замке всё ещё отдавали его приказы.
Но больше шестидесяти процентов города уже можно было пересечь так, чтобы ни один
Немой не поднял тревогу.
И треть ключевых узлов отвечала не Вильяму.

Пока.
Король Скелетов улыбнулся.
У него не было губ.
Поэтому улыбка получалась честнее.
Лже-Роза вернулась в Кутёж с шестью мужчинами.
Вышла с двенадцатью.
Это ей понравилось.
Двое шли впереди.
Трое несли добычу.
Один тащил на плече связанного купца, который оказался слишком жадным, чтобы сразу поверить красивой женщине.
Остальные смотрели на неё.
Постоянно.
Это уже начало раздражать.
— Не смотрите.
Все отвели глаза.
Она улыбнулась.
Так лучше.
На краю деревни стоял Савва.
То есть человек, которого деревня считала Саввой.
Настоящий Савва давно был мёртв.
Существо съело его достаточно тщательно, чтобы забрать лицо.
Голос.
Походку.
Привычку чесать подбородок перед ложью.
Даже старый шрам на ладони.
Но не желания.
Желания оставались чужими.
Поэтому, когда лже-Роза прошла мимо, Существо почувствовало её раньше, чем увидело.
Тёплая волна.
Запах.
Не тела.
Приказа.
Смотри.
Желай.
Подойди.
Заслужи.
Существо остановилось.
Волна прошла сквозь него.
Ничего.
Совсем ничего.
Оно чуть не улыбнулось.
Не стало.
Лже-Роза повернула голову.
— Ты.
Савва указал на себя.
— Я?
— Иди сюда.

Существо пошло.
Медленнее, чем остальные.
Чтобы выглядеть сопротивляющимся.

Лже-Роза заметила.
Ей стало интересно.
— Как зовут?
— Савва.
— Ты меня знаешь?
— Все знают Розу.
— Я не спрашивала, кто я.
Умная.
Не настолько, насколько думала.
Существо опустило глаза.
— Видел издали.
Лже-Роза подошла ближе.
Десять шагов.
Волна усилилась.
Пять.
Ещё сильнее.
Вплотную.
Она положила пальцы ему на грудь.
— Теперь?
Существо заставило сердце ускориться.
Это было несложно.
Тело Саввы всё ещё умело бояться.
— Теперь... да.
— Что да?
— Хочу помочь.
Лже-Роза улыбнулась.
Существо почти восхитилось.

Она была хороша.
Не настоящая Роза.
Слишком ровная.
Слишком чистая.
Слишком довольная чужим взглядом.
Настоящая, которую оно когда-то видело через чужие воспоминания, носила страх как нож.

Эта носила желание как поводок.
— Ты знаешь дороги из Кутежа? — спросила она.
— Все.
— К Голдо?
— Несколько.
Это была правда.
Существо знало гораздо больше, чем Савва должен был знать.
Поэтому добавило:
— Торговые.
— Где 261?
— Не знаю.
Волна усилилась.
Существо опустилось на колени.
Не потому, что магия заставила.
Потому что это ожидалось.
Лже-Роза удовлетворённо выдохнула.
— Теперь узнаешь.
Она посмотрела на разбойников.
— Связать.
Один мужчина подошёл.
— Зачем? Он же уже—
Лже-Роза только повернула голову.
— Связать.
— Да.
Существо позволило завести руки за спину.
Верёвка затянулась.
Смешно.
Оно могло разорвать её, если понадобится.
Но не сейчас.
— Зачем он тебе? — спросил главарь первой банды.
— Умный.
— Он крестьянин.
— Поэтому и умный. До сих пор жив.
Она посмотрела на Савву.
— Будешь моим проводником.
Существо подняло голову.
— Да.
— И пленником.
— Да.
— И если соврётся—
— Я знаю.
— Что?

Существо улыбнулось ровно настолько, насколько позволил бы испуганный крестьянин.
— Вы заставите меня пожалеть.
Лже-Роза коснулась его щеки.
— Быстро учишься.
Она пошла дальше.
Разбойники потянули Савву за верёвку.

Существо не сопротивлялось.
Ему не нужно было искать 261.
Теперь рядом шла та, кто собиралась сделать это за него.
Пленником было удобно.
Пленнику показывают дороги.
Пленнику рассказывают планы.
Пленника недооценивают.
Лже-Роза думала, что получила поводок.
Существо решило пока не объяснять, на чьей шее он окажется.
До шахты оставалось меньше километра, когда огненный меч Одноглазого погас.
Не полностью.
Пламя просто втянулось в лезвие.
Стало тонким.
Почти белым.
Я остановился.
Эйра прошла ещё два шага.
Обернулась.
— Что?
Я вытащил меч.
Металл дрожал.
Очень слабо.
Не от руки.
Внутри.
Эллари увидела.

— Ритм?
— Нет.
Молодой бомбомётчик побледнел.
— Что тогда?
Я повернул клинок вправо.
Пламя стало ярче.
Влево.
Слабее.
Снова вправо.
Меч хотел туда.
К старому водоотводному тоннелю над шахтой.
Тёмному.
Пустому.
Я смотрел на него.
Никого.
Только зелёный свет отражался на мокром камне.
— Николаус, — сказала Эллари.
— Знаю.
— Что знаешь?
Я убрал меч.
— У нас гость.
Эйра посмотрела в тоннель.
— Крагг?
— Нет.
Молодой гном понял первым.
— Одноглазый.
Я кивнул.
Он резко схватился за оружие.
— Где?
— Не знаю.
— Ты только что—
— Я чувствую меч.
Эллари закрыла глаза.
— Камень там пустой.
— Значит, умеет прятаться.
Эйра усмехнулась.
— После всего, что ты у него отрубил, научился.
Я не ответил.
Одноглазый был рядом.
Живой.
Однорукий.
Без этого меча.
С шестью целыми ключевыми элементами и сломанным огненным.
Он ждал Крагга.
А теперь увидел нас.
Я почти чувствовал его взгляд.
— Нападёт? — спросил молодой бомбомётчик.
— Если хотел, уже попробовал бы.
— Почему не хочет?

Я посмотрел на шахту.

— Потому что ждёт кого-то важнее.

Одноглазый лежал на животе в водоотводном тоннеле.

Камень под грудью был холодным.

Это помогало.

Рука была одна.

Это — нет.

Он увидел Николауса сразу.

Сначала не поверил.

Потом увидел огненный меч.

Свой.

Потом Zero.

Потом двух женщин.

Потом молодого гнома из «Бомбы».

— Какого...

Он не закончил.

По плану первым должен был прийти Крагг.

Крагг пришёл.

Но внутрь шахты.

По плану Николаус должен был оставаться в крепости, ломать стены Голдо, отвлекать охрану, делать всё то, что у него почему-то получалось лучше всего.

Вместо этого 261 стоял в нескольких сотнях шагов от нужного тоннеля.

Одноглазый медленно выдохнул.

Под плащом шесть целых ключевых элементов слегка звякнули.

Сломанный огненный — нет.

Он был мёртвым куском.

Пока.

Запасной огненный ключ Крагга находился внутри шахты.

И Крагг должен был достать его, чтобы снять последнее крепление Плавильни Вечния.

Одноглазый ждал именно этого момента.

Один удар.
Одна кража.
Потом семь элементов снова соберутся.
Потом глубинное хранилище перестанет быть закрытым.
Камень Воскрешения.
И всё, что Голдо прячет глубже.
Но теперь туда шёл Николаус.
С его мечом.
Одноглазый мог спуститься сейчас.
Атаковать.
Попытаться вернуть оружие.
Убить гнома.
Ранить женщин.
Возможно, даже добить 261.
И потерять Крагга.
Потому что после первой тревоги последний брат уйдёт обратно в крепость и больше не
достанет огненный ключ под открытым небом.
Одноглазый стиснул зубы.
Гордыня требовала другого.
План требовал ждать.
Когда-то он всегда выбирал гордыню.
Результат лежал у Николауса на поясе.
Одноглазый коснулся пустого плеча.
— Не сегодня.
Николаус внизу вдруг повернул голову прямо к тоннелю.
Одноглазый замер.
Меч у его бедра вспыхнул.
Бывший меч.

Старый предатель.
Николаус смотрел несколько секунд.

Потом отвернулся.
Одноглазый медленно улыбнулся.
— Почувствовал.
Это было плохо.
Но не смертельно.
Пока.
Он снова посмотрел на шахту.
Если Крагг и Николаус встретятся внутри, будет ещё лучше.
Два врага.
Один ключ.
Один меч.
И слизи, которые уже давно перестали слушаться того, кто их накормил.
Одноглазый решил не мешать.
Иногда лучший способ победить — позволить двум другим людям сделать всю грязную работу.
Он ненавидел эту мысль.
Гнарл бы оценил.
От этого стало ещё хуже.
Перед входом в Изумрудную шахту уже не было порядка.
Был только расчёт, который разваливался быстрее, чем гномы успевали его записывать.
По левой рельсовой линии вверх шли вагонетки с изумрудами.
По правой — пустые клетки.
В центре четверо гномов пытались вытащить из шахты огромный металлический цилиндр.
— Не плавильня, — сказал молодой бомбомётчик.
— А что?
— Катализатор.
— Дорогой?
Он посмотрел.
— Голдо спасает.
— Понял.
Над воротами шахты горели три сигнальные лампы.
Красная.
Красная.
Зелёная.
Третья мигнула.
Стала красной.
Гномы вокруг закричали.
— ТРЕТИЙ ЯРУС! СВЯЗЬ С ТРЕТЬИМ!
— КРАГГУ ПЕРЕДАТЬ!
— ОН УЖЕ ТАМ!
— ПЛАВИЛЬНЮ НЕ БРОСАТЬ!
Где-то внутри горы раздался грохот.
Потом тонкий высокий скрежет.
Словно тысяча стеклянных зубов одновременно провели по камню.
Эйра поморщилась.
— Вот это мне уже не нравится.

— А до этого?
— До этого просто не нравилось.
Эллари остановилась у стены входа.
Положила ладонь.
— Слышно глубже.
— Ключ?
— Не знаю.
— Жила?
— Да.
Она закрыла глаза.
— И что-то большое.
Молодой бомбомётчик посмотрел на неё.
— Насколько?
— Очень.
— Полезное измерение.
— Ты спросил.
Из шахты выбежал гном.
Без шлема.
Борода была обожжена зелёным.
— ЗАКРЫТЬ ВОРОТА!
Никто не закрыл.
Потому что за ним показались ещё трое.
Один тащил второго.
Третий шёл спиной вперёд и стрелял огнём в темноту.
Зелёный свет внутри качнулся.
Что-то ударило в стену.
Весь вход дрогнул.
Из темноты на секунду показалась прозрачная масса.
Кристаллическая.
Большая.
Слишком большая.

Огнемётчик выстрелил.
Пламя ударило в зелёную поверхность.
Разошлось по ней веером.
Часть вернулась в потолок.
Гном выругался.
Тварь отступила обратно.
Пока.
Молодой бомбомётчик натянул маску.
— Я могу провести нас первым постом.
— А вторым?
— Там уже не будет поста.
— Удобно.
Эйра ударила меня локтем.
— Не говори это слово.
Я посмотрел назад.
На замок Голдо.
Подъёмный мост всё ещё был поднят.
За ним оставались двадцать одна эльфийка.
Голдо.
Камень Воскрешения.
И всё, до чего мы пока не дошли.

Справа, над водоотводным тоннелем, никого не было видно.
Одноглазый всё ещё ждал.
Внутри шахты был Крагг.
На третьем ярусе застряла Плавильня Вечняя.
Пять аварийных опор уже готовили могилу.
А где-то под всем этим третий Ключ Бездны один раз тихо ударил в тот же ритм, который я чувствовал под пивным котлом.
Гнарл обязательно сказал бы, что идти туда добровольно — редкая форма глупости.
Я почти услышал.

Почти.
Этого хватило.
— Идём.
Эйра подняла обломок копья.
Эллари взяла цепь.
Молодой бомбомётчик шагнул первым.
Я вытащил Zero.
Огненный меч оставил у пояса.
Пусть Одноглазый чувствует.
Пусть знает, что я тоже знаю.
Мы подошли к чёрному проёму.

Изнутри пахло мокрым камнем.
Изумрудной пылью.
Горелым металлом.
И чем-то сладким, как после грозы.
Слева на стене висела табличка:
НИЖНИЕ ЯРУСЫ ЗАКРЫТЫ.
Под ней кто-то зелёной слизью оставил длинный след.
Я посмотрел на Эйру.
— Ну?
— Что?
— Наконец нормальная дорога?
Она усмехнулась.
— Теперь да.
Я шагнул в Изумрудную шахту.

Семьдесят пятая глава

«Изумрудная шахта»

Внутри Изумрудной шахты было светлее, чем снаружи.

Это сразу показалось неправильным.

Шахты должны становиться темнее, чем глубже в них заходишь.

Здесь происходило наоборот.

Каждые десять шагов камень начинал светиться сильнее.

Сначала зелёными прожилками.

Потом целыми пластами.

Потом мы вышли на первый внутренний уступ, и я понял, что часть горы вокруг нас вообще была не камнем.

Она была изумрудом.

Не красивым.

Не тем, который вставляют в кольца и потом продают человеку, слишком богатому, чтобы он спрашивал, сколько людей умерло при добыче.

Здесь изумруд был сырым.

Тёмным.

С мутными включениями, белыми жилами и чёрными пузырями внутри.

Он рос из стен огромными рёбрами и давал такой зелёный свет, что кровь на моих пальцах казалась почти чёрной.

Молодой бомбомётчик остановился впереди.

— Не наступай на блестящее.

Я посмотрел под ноги.

Блестело почти всё.

— Очень точная инструкция.

— На мокрое блестящее.

— Стало намного легче.

Эйра ткнула обломком копья в зелёную лужицу у рельса.

Лужица дёрнулась.

Копьё исчезло в ней на два пальца.

Эйра выдернула древко обратно.

Металлический край был объединен.

— Это слизь? — спросила она.

— Была, — ответил гном.

— А сейчас?

— След.

Эллари присела рядом, не касаясь пола.

— Она двигалась против уклона.

— Да.

— Давно?

Гном посмотрел на влажный блеск.

— Минут пять.

Я оглянулся на чёрный проём, через который мы вошли.

— Значит, нас уже заметили.

— Скорее всего.

— Отлично.

Гнарл обязательно сказал бы, что человек, добровольно вошедший в шахту после того, как ему заранее сообщили о разумных слизнях, заслуживает хотя бы уважения к собственному идиотизму.

Я почти слышал голос.

Почти.

И это всё ещё было хуже тишины.

Мы пошли дальше.

Первый ярус шахты был почти пуст.

Только вагонетки.

Сломанные стойки.

Брошенные кирки.

И длинные деревянные настилы, которые гномы почему-то сохранили, хотя всё металлическое вокруг уже было исцарапано зелёными следами.

Через несколько минут причина стала понятна.

Слева из боковой выработки выполз маленький слизень.

Размером с большую собаку.

Один глаз.

Настоящий.

Круглый янтарный глаз плавал внутри прозрачной зелёной массы и смотрел сразу на четверых.

Слизень коснулся металлической рельсы.

Тело обняло железо.

По зелени прошла волна.

На рельсе осталась глубокая выемка.

Потом слизень упёрся в деревянную шпалу.

Остановился.

Обтёк её.
И пополз дальше.
Эйра подняла бровь.
— Дерево.
— Раненые не вдали, — сказал молодой гном.
— Уже достижение.
Слизень повернул к нам.
Я снял Zego.
Ударил один раз.
Топор рассёк его почти пополам.
Зелёная масса разлетелась по полу.
Глаз лопнул.
— Всё? — спросил я.
Молодой бомбомётчик даже не ответил.
Обе половины слизи поползли в разные стороны.
Не к нам.
К стене.
Туда, где наружу выходила сырая жила.
Эллари дёрнула цепь.
Одна половина оказалась прижата к дереву.
Она забилась.
Вторая успела коснуться изумруда.
И сразу изменилась.
В стене зажёгся слабый зелёный импульс.
Слизь втянулась в трещину.
Через несколько секунд рядом из другой щели вытек новый комок.
Меньше прежнего.
Но целый.
С новым глазом.
Эйра посмотрела на меня.
— Теперь я понимаю слово «потеряна» применительно к шахте.

Я снова поднял Zero.
Молодой гном остановил.
— Не трать силы.
— Он только что собрал себя обратно.
— Вот поэтому.
Эллари прислушалась к стене.
— Он ушёл не сам.
— Что?
— Когда коснулся жилы, что-то ответило глубже.
Молодой бомбомётчик побледнел.
— Матка.
Я посмотрел на него.
— Уже знаешь, что она здесь?
— Нет.
Он поправил маску.
— Но начинаю верить.
Мы не стали добивать слизня.
Ушли дальше по деревянному настилу.

Через два поворота шахта раскрылась.
Я остановился.
Перед нами висела Плавильня Вечняя.
Слово «плавильня» было слишком маленьким.
Она занимала половину огромной каверны.
Центральный барабан из чёрного металла висел на четырёх цепях и двух рельсовых дугах. Вокруг него шли шесть зелёных колец, каждое медленно вращалось в другую сторону. Внутри прозрачных окон кипел не металл.
Кипел свет.
Густой изумрудный свет поднимался пузырями и исчезал под серебряной коркой.
Снизу в плавильню входили толстые каменные рукава.
Сверху уходили трубы.

Справа стояли наковальни, прессы и решётчатый пол, под которым горело бело-зелёное пламя.

Слева — гномы.

Огнемётчики.

Их было больше двадцати.

Они стояли в два ряда перед широким огненным каналом.

За каналом двигалась зелёная стена.

Слизни.

Десятки.

Маленькие.

Большие.

Некоторые размером с телегу.

Один за другим они ползли прямо в пламя.

Первый загорелся.

Зелёная масса стала белой.

Слизень продолжил ползти.

Через несколько секунд остановился посреди огня.

И умер.

Второй сделал то же самое.

Третий.

Четвёртый.

— Они тупые? — спросила Эйра.

— Подожди, — тихо сказала Эллари.

Пятый слизень не вошёл в огонь.

Он заполз на обугленный труп первого.

Шестой — на второго.

Седьмой — на третьего.

Тела мёртвых начали образовывать мост.

Огнемётчики это поняли одновременно.

— БОЛЬШЕ ЖАРА! — заорал старший.

Пламя выросло.
Передние трупы начали плавиться.
Слизни сзади остановились.

Не отступили.
Остановились.
Потом два крупных слизня вытолкнули вперёд маленьких.
Маленькие бросились в пламя.
Один.
Второй.
Третий.
Новый слой тел.
Эйра медленно выдохнула.
— Они строят мост из своих.
— Да, — сказал молодой гном.
— Нитбул бы оценил.
Гном ничего не ответил.
Мы подошли ближе.
Один из огнеметчиков увидел маску молодого бомбомётчика.
— «Бомба»?!
— Аварийный связной! — крикнул он. — Проверка Вечнии!
Гном перевёл взгляд на меня.
Потом на Эйру.
На Эллари.
На Zero.
— Это кто?
— Помощь.
— От кого?
— От того, у кого ещё есть руки.
Старший огнеметчик выругался.
— Не смешно.

— Я не шутил.
Из потолка раздался треск.
Потом металлический голос.
Не запись.
Живой.
— Третий круг. Доклад.
Все гномы вытянулись.
Я узнал голос.
Крагг.
Старший огнемётчик поднял голову к медной воронке под потолком.
— Третий круг держится. Вечния на четырёх снятых креплениях. Пятое закрыто. Слизневая масса растёт. Потери восемь.
— Чужие?
Старший посмотрел на нас.
Молодой бомбомётчик не успел ничего сказать.
— Есть.
Пауза.
Короткая.
— Сколько?
— Трое. И один из «Бомбы».
— Описать.
Я вздохнул.
— Не надо, — сказал я громко.
В каверне стало тише.
Даже огнемётчики на секунду повернули головы.
— Крагг.
Медная воронка молчала.
Потом голос ответил:
— Николаус.
Молодой бомбомётчик посмотрел на меня так, будто я только что добровольно сунул голову в пушку.
— Зато не пришлось долго врать, — сказал я.
— Ты должен был быть у котла, — произнёс Крагг.
— Был.
— Я знаю.
— Тогда странный вопрос.
— Это не был вопрос.
На дальней стене загорелись две красные лампы.
Молодой гном резко повернул голову.
— Опоры.
Я посмотрел на него.
— Какие?
— Первая и вторая.
Крагг продолжил:
— Все рабочие, не занятые на Вечнии, отходят на верхний круг. Огнемётчики остаются. Имущество выводить до последнего целого ящика. Первую и вторую опоры — в боевую готовность.

Старший огнемётчик побледнел.

— А плавильня?

— Стоит.

— Пятое крепление без вас не снять.

— Знаю.

— Тогда вы идёте вниз?

Пауза.

— Нет.

Я посмотрел на молодого бомбомётчика.

Он смотрел на воронку.

— Мне говорили, Крагт держит третий ярус, — сказал я тихо.

— Нам всем так говорили.

— Он не здесь.

— Нет.

— Где?

Гном сжал зубы.

— Если голос идёт по королевской линии, он может сидеть у Голдо.

Крагт услышал.

— Правильно.

Эйра усмехнулась.

— Удобно воевать через трубу.

— Удобно не носить последний огненный ключ туда, где его ждут два вора.

Я перестал улыбаться.

Одноглазый.

Он знал.

И Крагт знал, что он знает.

Меч у моего пояса стал чуть теплее.

Не из-за шахты.

Из-за того, кто лежал где-то снаружи и сейчас, наверное, понимал то же самое.

Крагт продолжил:

— Николаус. Я не буду спускаться к тебе.

— Обидно.
— Нет. Обидно будет, когда гора закроется.
На стене вспыхнула третья красная лампа.
— Третью опору готовить, — сказал Крагг. — Но не подрывать без моего приказа.
Старший огнеметчик шагнул к воронке.
— Крагг, Вечния останется внутри.
— Если успеете — вытащите.
— А если нет?
— Голдо переживёт потерю плавильни.
Даже гномы замолчали.
Это было почти страшнее слизней.
Если Голдо готов был потерять Вечнию, значит, наша цена в его расчёте стала выше.
Я поднял взгляд на огромную зелёную машину.
Потом на огненный канал.
На мост из мёртвых слизней.
На три красные лампы.
И понял, что в шахте теперь было три разных плана.
Голдо хотел похоронить нас.
Одноглазый хотел украсть ключ, которого здесь не оказалось.
А слизи вообще не знали, что должны участвовать в чужих планах.
Они строили свой.
И, судя по мосту, начали раньше всех.
Юлия вышла из песочного разрыва первой.
Кан — за ней.
Портал схлопнулся сразу после второго шага.
Чёрный песок осыпался с воздуха и лёг тонким кругом вокруг их сапог.
Юлия подняла голову.
И не сказала ничего.
Кан прошёл ещё несколько шагов.
Потом тоже остановился.
Башня стояла перед ними.
Не там, где должна была.
Среди дюн.
В нескольких сотнях шагов от белой статуи Богини-Матери.
Утренний песок уже успел набиться в трещины камня. На стенах висели старые следы крови. Красные огни в окнах горели там, где ещё вчера была совсем другая земля.
Башня выглядела невозможной.
Поэтому Юлия поверила в неё сразу.
— Он перенёс её, — сказал Кан.
— Не он.
— Откуда знаешь?
Юлия посмотрела на верхние окна.
— Если бы 261 был здесь, на стенах уже кто-нибудь кричал бы его имя.
Кан усмехнулся.
— Может, кричат внутри.
— Нет.
Она подошла к песку и присела.
Коснулась ладонью земли.
Песок под пальцами стал чёрным.

Потом белым.

Потом снова обычным.

— Башня пришла через разрыв основания. Очень старый перенос.

Кан посмотрел на статую Матери.

— Значит, они выбрали худшее место.

— Для нас?

— Для них.

Юлия улыбнулась.

Это была та улыбка, которую Кан видел перед тем, как кто-нибудь другой терял дом.

Она достала четыре песочных жетона.

Разложила на земле.

Север.

Юг.

Восток.

Запад.

— Сколько? — спросил Кан.

— Сколько успеют пройти до заката.

— Через четыре якоря?

— Через три.

— Почему?

Юлия посмотрела на четвёртый жетон.

— Один оставлю для ухода.

Кан кивнул.

Не потому, что боялся.

Потому что прожил достаточно долго рядом с Юлией, чтобы понимать: если она заранее оставляет путь назад, значит, впереди будет очень плохо.

Она раздавила первый жетон.

Песок поднялся стеной.

Открылся узкий разрез.

По ту сторону была дорога.

Из неё вышли пятеро разбойников.
Потом ещё десять.
Потом двадцать.
У первых были короткие ружья Кана.
У вторых — копья, крюки и свёрнутые лестницы.
Третьи тащили ящики с порохом.
Юлия открыла второй разрез.
Из него вышли всадники без лошадей.
Животных через такой переход протащить было сложнее.
Поэтому вместо коней люди несли на плечах щиты, колёса и металлические рамы.
Третий разрез выплюнул ещё один отряд.
Потом другой.
Потом ещё.
Пустыня начала заполняться людьми.
Не армией.
Разбойники плохо маршировали.
Плохо держали строй.
Ругались.
Толкались.
Кто-то пил прямо на ходу.
Но они умели делать одну вещь.
Приходить туда, где чужое имущество можно было превратить в своё.
А перед ними стояла целая Башня.

— Не стрелять, — сказала Юлия.
Несколько ружей уже поднялись.
Опустились.
— Пока не стрелять.
Кан посмотрел на стены.
— Хочешь взять живых?
— Хочу понять, кто там.

— Демоны.

— Я тоже умею считать окна.

Она указала на верхний ярус.

— Слишком мало движения.

— После переноса могли не прийти в себя.

— Именно.

Юлия поднялась.

— Сначала окружение. Потом якоря. Потом вода. Потом порталовые комнаты.

Кан посмотрел на статую Матери.

— А она?

Юлия не повернула головы.

— Стояла здесь до Башни.

— И?

— Значит, Башня пришла к ней.

— Или за ней.

— Тем более.

Она подняла руку.

Разбойники начали расходиться по дюнам.

Кто-то копал стрелковые ямы.

Кто-то раскладывал порох под щитами.

Кто-то тащил длинные верёвки с железными крюками.

Кан лично проверял ружья.

Порох был сухой.

Ветер — слабый.

Стрелять можно.

— Когда? — спросил один из главарей.

Юлия посмотрела на Башню.

— Когда поймём, кто откроет дверь первым.

Возвращённый Владыка наблюдал за ними из трещины в каменной руке Матери.

Случайность.

Почти.

Он ушёл от Башни по старому чёрному следу Клыка и не собирался возвращаться к статуе так быстро.

След сделал круг.

Провёл его через две мёртвые дюны.

Мимо останков червя.

К рунической яме.

А потом вывел обратно к Матери.

Будто Клык много лет назад уже ходил здесь по кругу.

Возвращённый Владыка хотел понять почему.

Вместо ответа получил Юлию.

И Кана.

Он узнал их сразу.

Не по лицам.

По тому, как они делили пространство.

Кан смотрел, куда ударить.

Юлия — что забрать после удара.

Старая память внутри Владыки пошевелилась.

«Молния».

Гнев.

Зависть.

Два человека, которые когда-то пришли к его Башне как часть чужого отряда.

Теперь они снова стояли перед ней.

Только Башня была не его.

Он медленно положил ладонь на чёрный обломок кости под плащом.

Нить Клыка внутри тела отозвалась холодом.

Роза.

261.

Приказ никуда не исчез.

Но приказ не требовал глупости.

Если Юлия и Кан убьют Николауса сейчас, два собранных Ключа могут исчезнуть в хаосе.

Если возьмут Башню, Сердце попадёт не туда.

Если разрушат её, станет хуже всем.

Владыка посмотрел на сотни разбойников, выходящих из песочных разрезов.

Мог предупредить Башню.

Достаточно было пройти обратно к воротам.

Красный старший бы поверил.

Возможно.

Мог ударить по Юлии сейчас.

Пока три разрыва открыты.

Мог убить одного из якорных носителей и обрушить переходы.

Не сделал ничего.

Пока.

Он хотел увидеть, как новая Башня защищается без хозяина.

Хотел понять, что Николаус действительно успел сделать с домом.

И хотел увидеть, зачем Юлия снова пришла к Матери.

Не к Башне.

Именно к Матери.

В этом была разница.

Возвращённый Владыка прижался глубже к камню.

На песке внизу Кан отдавал оружейникам короткие команды.

Юлия ставила четвёртый якорь, но не открывала его.

Для отхода.

Разумно.

Он почти улыбнулся.

Гнарл бы назвал такую подготовку подозрительно здоровой для людей, которые собираются штурмовать Башню.

Мысль о Гнарле пришла неожиданно.

Владыка закрыл глаза.

Потом снова открыл.

— Я не твой хозяин, — тихо сказал он каменной руке Матери. — И не его друг.

Башня вдалеке ничего не ответила.

— Но отдавать тебя им я тоже не собираюсь.

Он не имел в виду Башню.

Он смотрел на статую.

В шахте к этому времени мост из мёртвых слизней почти дошёл до второй половины огненного канала.

Огнемётчики перестали ругаться.

Когда люди перестают ругаться во время плохой работы, обычно становится хуже.

Старший гном махнул рукой.

— Сброс!

Двое открыли боковой вентиль.

С потолка ударила вода.

Не на слизней.

На огненный канал.

Пламя дёрнулось.

Зашипело.

Белый пар закрыл половину каверны.

— Выключаете собственную защиту? — спросил я.
— Смываем мост.
Вода пошла по обугленным телам.
Первый слой слизи сорвало.
Потом второй.
Зелёная масса потекла назад.
На секунду показалось, что сработало.
Потом Эллари схватила меня за руку.
— Слушай.
— Что?
— Не ушли.
Через шум воды пришёл другой звук.
Три коротких удара.
Один длинный.
Пауза.
Три коротких.
Один длинный.
Рабочий сигнал помощи.
С противоположной галереи кто-то закричал:
— Живые на втором!
Трое огнемётчиков повернулись.
Молодой бомбомётчик сорвал маску.
— НЕ ХОДИТЬ!
Поздно.
Двое уже побежали к боковой лестнице.

Третий остановился.
Из темноты снова пришли удары.
Три коротких.
Один длинный.
— Там наши! — крикнул гном.

— Там не ваши! — ответил молодой.
Первый бегущий добрался до поворота.
Стена перед ним вспухла.
Зелёная масса вылилась прямо из щели.
Гном успел поднять огнёмёт.
Слизь обняла трубу.
Металл зашипел.
Через секунду оружие развалилось у него в руках.
Он прыгнул назад.
Второй успел схватить его за ремень.
Оба выжили.
Но теперь из бокового хода ползло уже шесть слизней.
Один глаз.
Один глаз.
Один глаз.
За ними — два глаза.
Большой.
Размером с телегу.
Он остановился на границе света.
Посмотрел на огнёмётчиков.
Потом на деревянные стойки.
Потом на металлический подвес Вечнии.
Эллари шепнула:
— Он выбирает.
— Что?
— Не нас.
Большой слизень рванул к рельсовой опоре.
— К ПЛАВИЛЬНЕ! — заорал старший.
Огнёмётчики развернули струи.
Пламя ударило в двухглазого.
Его тело вспыхнуло зелёным.
И свет ушёл по кристаллическим рёбрам в стороны.

Одна струя жара ударила в стену.
Вторая — в потолок.
Третья вернулась к гномам.
Один закричал.
Эйра сбила его на пол раньше, чем загорелся ранец.
— Огонь не держать прямо! — крикнул молодой бомбомётчик. — Скользящими!
— Умник! Сам встань!
Он встал.
Подхватил брошенный огнемёт.
Я схватил его за плечо.
— Ты ещё помнишь приказ жить?
— Помню.
— Тогда придумай что-нибудь умнее.
Он посмотрел на воду.
На деревянные шпалы.
На слизня.
— Вода сначала.
— Почему?
— Не знаю.
— Отличный план.
— У тебя лучше есть?
— Нет.
— Тогда хороший.
Мы сорвали второй вентиль.
Вода ударила по двухглазому сбоку.
Слизень дёрнулся.
Его кристаллическая броня потемнела.
Не растворилась.
Остыла.
Эйра поняла первой.
Она подхватила длинную деревянную шпалу и ударила ею в бок твари.

Дерево не исчезло.
Кристаллическое ребро треснуло.
Я ударил Zego в ту же трещину.
Зелёная масса раскололась.
Не взорвалась.
Рассыпалась тяжёлыми кусками.
Изнутри вылились три маленьких слизня.
Все с одним глазом.
— Это считается победой? — спросила Эйра.
— Нет, — сказал молодой гном.
— Начинаю ненавидеть твои ответы.
Маленькие слизни не пошли на нас.
Двое поползли к жиле.
Третий — к обломку большого.
Коснулся.
Обломок ожил.
Эллари ударила цепью и отбросила его на деревянный настил.
Он начал дёргаться, но собрать себя не смог.

— Дерево изолирует, — сказала она.
Молодой бомбомётчик посмотрел на настилы.
— Поэтому старые шахтёры их не меняли на металл.
— Они знали?
— Может быть.
— А потом забыли.
— Гномы умеют хранить золото лучше, чем причины.
Я посмотрел на Вечнию.
Четыре снятых крепления висели раскрытыми лепестками.
Пятое находилось под центральным барабаном.
На нём горел маленький красный знак огня.
Запасной ключ Крагга был далеко.

— Если пятое не снять, плавильня не уйдёт?
— Не уйдёт.
— Если сломать?
— Может упасть в боковой ход.
— Тот самый белый?
— Да.
— Значит, не ломаем.
Эйра посмотрела на меня.
— Ты стал скучным.
— Я учусь у мёртвых.
Она не ответила.
Слова вышли тяжелее, чем я хотел.
Воронка Крагга снова ожива.
— Первый круг эвакуирован. Второй — закрыть после последней вагонетки. Третий: чужака не выпускать наверх.
Я поднял голову.
— Ты очень стараешься, чтобы мне захотелось к тебе в гости.
— Я стараюсь, чтобы ты остался внизу.
— Голдо знает, что ты бросаешь Вечнию?
Тишина.
Потом другой голос.
Не Голдо.
Чужой диспетчер.
— Командование подтверждено. Приоритет: королевские кассы, катализатор, обработанный камень. Плавильня — по возможности.
Молодой бомбомётчик тихо присвистнул.
— По возможности.
— Что?
— Вечния стоила больше половины внешней пивоварни.
— А сейчас?
— Сейчас ты стоишь дороже.
— Приятно.
— Это не комплимент.
С противоположной стороны канала вдруг стало тихо.
Слизни перестали идти в огонь.
Все.
Разом.
Огнемётчики это тоже заметили.
— Почему остановились? — спросил один.
Эллари закрыла глаза.
— Они слушают.
— Что?
— Вечнию.
Под огромным барабаном прошёл низкий металлический стон.
Зелёные кольца ускорились.
Не от команды.
Сами.
Внутри плавильни свет поднялся.
По стене шахты прошёл ответный импульс.

Один.

Ещё один.

Третий.

Слизни одновременно повернули глаза к машине.

Молодой гном медленно сказал:

— Они не пришли за нами.

Я посмотрел на зелёную массу за огнём.

— За чем?

— За плавильней.

Крагт услышал.

— Вечнию держать.

— Вы же только что сказали «по возможности»! — крикнул старший огнемётчик.

— Возможность появилась.

— Какая?

— Чужак рядом.

Я усмехнулся.

— Ты хочешь, чтобы я спас твою плавильню?

— Нет.

Пауза.

— Я хочу, чтобы слизни сначала съели тебя.

— Наконец честно.

Снизу ударило.

Не взрыв.

Удар тела.

Плавильня качнулась на цепях.

Потом второй.

Весь третий ярус дрогнул.

На дальнем краю каверны из темноты поднялась зелёная спина.

Сначала я решил, что это новый выступ жилы.

Потом выступ открыл два глаза.

Размером с щиты.

Слизень был с дом.

Он не полз.

Он выдавливал себя вперёд между колоннами, ломая рельсы собственной массой.

На его спине росли прозрачные кристаллические пластины.

Внутри них отражались огни Вечнии.

— Тот самый? — спросила Эйра.

Молодой гном не ответил.

И так было понятно.

Домоподобный слизень ударил в рельсовую дугу.

Одна опора Вечнии треснула.

Все гномы одновременно забыли про нас.

— ЦЕПИ!

— ДЕРЖАТЬ ЛЕВУЮ!

— КРЮКИ НА БАРАБАН!

— ВОДУ ЗАКРЫТЬ!

Огнемётчики пошли к машине.

Слизни за огненным каналом сразу двинулись снова.

Они ждали именно этого.

— Они отвлекли защиту, — сказала Эллари.
— Нет, — ответил я.
Домоподобный слизень ударил ещё раз.
Одновременно маленькие слизи полезли на мёртвый мост.

— Они разделили защиту.
Эйра стиснула обломок копья.
— Какая разница?
— Никакой.
— Вот и хорошо.
Она прыгнула на деревянный настил.
Мы пошли за ней.
Не чтобы защищать Голдо.
Чтобы Вечния не упала в единственный боковой ход, который мог вывести нас к белой жиле.
Это была неприятная разница.
Но всё-таки разница.
Одноглазый услышал голос Крагга через камень.
Не слова.
Вибрацию.
Он знал эту систему.
Когда-то сам заставлял гномов ставить командные трубы в западных узлах.
Голос шёл не снизу.
Не из шахты.
Северо-запад.
Внутренняя крепость.
Одноглазый медленно закрыл единственный глаз.
— Сволочь.
Крагг не пришёл.
Запасной огненный ключ оставался у него.
Весь расчёт с Плавильней Вечния превращался в мусор.

Одноглазый мог войти в шахту.
Мог найти Николауса.
Мог попытаться вернуть меч.
Но там были слизи.
Голдо готовил обрушение.
А ключ находился в другом месте.
Гордыня снова предложила идти в лоб.
Одноглазый коснулся пустого левого плеча.
— Уже пробовал.
Он отполз назад по водоотводному тоннелю.
Медленно.
Без звука.
Потом свернул не к шахте.
К верхнему сервисному ходу.
Туда, где королевская командная магистраль уходила к замку Голдо.

Если Крагг не спускался к ключу,
Одноглазый пойдёт к Краггу.
Мать суккубов не любила катакомбы.
Не из-за мёртвых.
Мёртвые были простыми.
Особенно после смерти.
Её раздражало другое.
В катакомбах Небесной Обители почти ничего не хотело её.
Камень не хотел.
Кости не хотели.
Синие клинки на стенах не хотели.
И девять фигур в белых чумных масках, которые встретили её у нижней лестницы, тоже ничего не хотели.
Они просто повернули головы.
Одновременно.

Мать суккубов остановилась.

— Немые.

Ни один не ответил.

— Как удобно. Наконец компания, которая не пытается произвести впечатление разговором.

Передний поднял руку.

Не оружие.

Два пальца.

Потом указал вниз.

— Я знаю, где ваш король.

Немой не пошевелился.

— И да, я всё равно пройду.

Он отступил.

Это было почти вежливо.

Король Скелетов ждал её возле старой плавильни.

За последние дни катакомбы изменились.

Раньше здесь пахло мокрым камнем, старой землёй и забытыми телами.

Теперь пахло железом.

Синим огнём.

И работой.

По обе стороны главного зала стояли новые Немые.

Не все в паладинских доспехах.

Кто-то носил броню городской стражи.

Кто-то — остатки одежды носильщика.

Одна фигура всё ещё держала на поясе лекарскую сумку.

Все молчали.

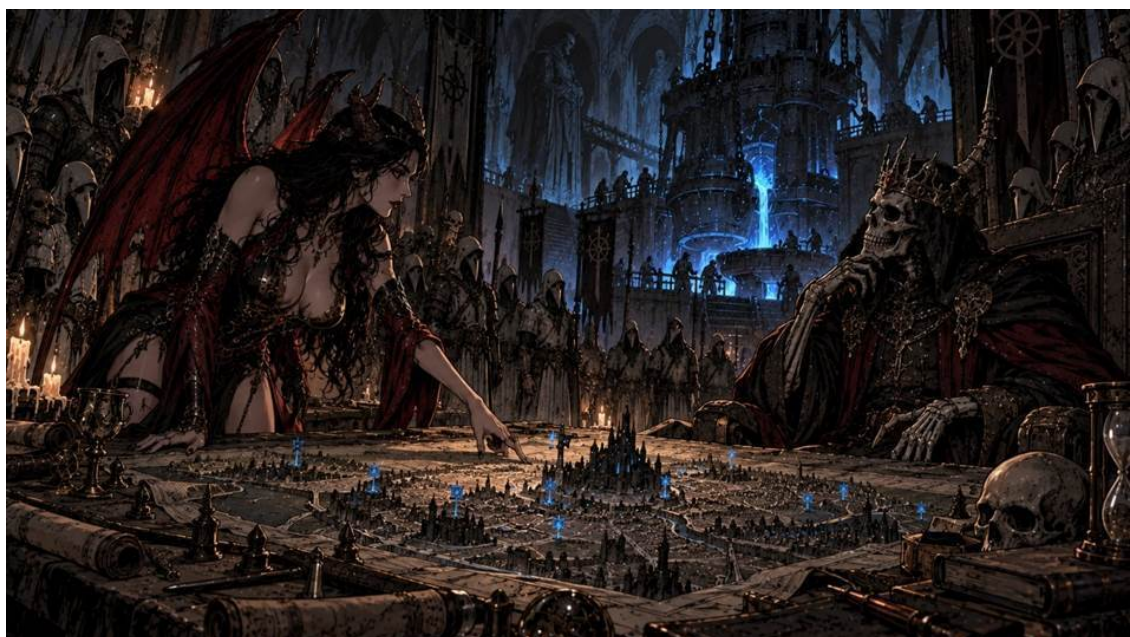
Король Скелетов сидел на перевёрнутом саркофаге.

Настоящий трон пока не требовался.

На каменной стене за ним висела карта Небесной Обители.

Синих меток стало больше.

Мать суккубов посмотрела.
— Шестьдесят два процента?
Король поднял череп.
— Ты умеешь считать.
— Я умею считать чужие владения особенно хорошо.
— Районов.
Он постучал костяным пальцем по карте.
— Не людей.
— Знаю.
— Тогда не называй город моим раньше времени.
Мать улыбнулась.
— Именно за этим пришла.
Она опустила на край стола.
Король посмотрел на неё.
Потом на край.
— Это карта.
— Теперь ещё и стул.
— У тебя есть таверна.
— Мне надоело владеть одним домом.
Король Скелетов не улыбнулся.
Мать положила на карту палец.
Прямо на верхнюю часть города.
На замок Вильяма.
— Хочешь всё?
— Всё что?
— Небесную Обитель.
Тишина в зале стала внимательнее.
Даже Немые будто повернули шлемы чуть сильнее.

Король постучал пальцем по карте ещё раз.

— Ты предлагаешь мне город, в котором уже шестьдесят два процента дорог проходят через моих людей?

— Через твоих людей проходят дороги.

Она наклонилась ближе.

— Вильям всё ещё держит ворота, казармы, храм очищения, арсенал, центральный резервуар и собственный дворец. У тебя сеть. У него печати.

— Пока.

— Я могу сделать это «пока» коротким.

Король молчал.

Мать развернула ладонь.

На ней лежала маленькая металлическая пластина с розовым солнцем.

Не украденная.

Снятая с одного из старых служебных проходов Вильяма много лет назад.

— Его верхние контуры желания завязаны не только на него, — сказала она. — Суккубы помогали строить часть внутренних печатей. Я знаю, где они любят, где боятся и где думают, что любят.

— И зачем мне это?

— Чтобы, когда ты поднимешь голову из подземелья, город не пришлось брать дом за домом.

Король протянул костяную руку.

Мать не отдала пластину.

— Цена.

— Конечно.

— Мне нужна кровь.

— У города много крови.

— Не эта.

Она произнесла медленно:

— Двести шестьдесят первого.

Король перестал стучать по карте.

— Николауса.

— Свежая.
— Сколько?
— Не ведро.
— Очень точный объём.
— Мне хватит нескольких капель, если они не будут старыми и не пройдут через чужую магию.
— Для Чаши.
Теперь замолчала она.
Король Скелетов наклонил голову.
— Думаешь, только живые слушают слухи?
— Слухи обычно умирают быстрее людей.
— А потом приходят ко мне.
Мать рассмеялась.
— Поэтому я и здесь.
Король поднялся.
Подошёл к карте.
— Если я найду 261, мне будет проще оставить его себе.
— Зачем?
— Любопытно.
— Любопытство — плохой повод держать человека, которого хочет половина мира.
— А твой повод хороший?
— Мой приносит новые миры.
Король посмотрел на неё.
Долго.
— Ты не хочешь вернуться.
— Нет.
— Ты хочешь открыть дверь шире.
— Да.
— И провести через неё своих.
— Возможно.
— И поставить там вторую таверну.
Мать улыбнулась.
— Наконец говоришь разумно.
Король Скелетов провёл пальцем по западной стороне карты.
Потом остановил его на центральном резервуаре.
— Хорошо.
— Сделка?
— Если кровь 261 окажется в моих руках, несколько капель будут твоими.
— Свежих.
— Свежих.
— А город?
— Город будет моим независимо от тебя.
— Мне подходит.
— Тогда что именно ты отдаёшь?
Мать положила пластину с розовым солнцем на карту.
— Верхние служебные печати. Три внутренних маршрута. Список людей Вильяма, чьё желание сильнее присяги. И когда начнётся настоящий штурм — мои дочери не встанут у тебя на пути.

— Не все твои дочери принадлежат тебе.

— Это их проблема.

Король кивнул.

Потом повернулся к Немых.

Не произнёс длинной речи.

Просто поднял четыре пальца.

Немая лекарка подошла к карте.

Он указал на центральный резервуар.

Потом на чумной подъёмник.

На нижний мост.

На западную водяную башню.

Три уже были синими.

Четвёртая точка оставалась белой.

Король провёл пальцем по горлу.

Не как угрозу.

Как их знак.

Потом сжал кулак.

Немые одновременно ударили себя в грудь.

— Что это? — спросила Мать.

— Немой колокол.

— Красивое название.

— Никто его не услышит.

— Ещё красивее.

Король посмотрел на своих.

— Центральный резервуар взять без шума. Смотрителей не убивать, если можно заметить. Воду не портить. В верхний дворец не идти. Арсенал пока только считать.

Немые уже расходились.

Мать суккубов поднялась.

— Я думала, после сделки ты начнёшь войну.

— Я начал её до сделки.

— Тогда что изменилось?

Король Скелетов посмотрел на розовую пластину Вильяма.
— Теперь я знаю, что после войны не придётся делить город с тобой.
Мать рассмеялась и расправила крылья.
Под тканью у пояса тихо звякнула Чаша Возврата.
Крови Николауса в ней всё ещё не было.

Но теперь за ней охотилась не только она.
В шахте домоподобный слизень оказался хуже, когда начал думать медленнее.
Пока он бился о рельсовую опору, я считал его тупым.
Потом он остановился.
Совсем.
Огнемётчики продолжали поливать его пламенем.
Огонь растекался по зелёной броне, уходил в стены, вспыхивал на потолке и возвращался золотыми бликами.
Слизень терпел.
— Почему не идёт? — крикнула Эйра.
Эллари слушала пол.
— Потому что мы идём.
Я понял не сразу.
Потом посмотрел на маленьких.
Они тоже остановились.
На мосту из собственных обугленных тел.
Не двигались.
Ждали.
— Он держит на себе огонь, — сказал я.
Молодой бомбомётчик выругался.
— А мелкие ждут, пока закончат топливо.
Старший огнемётчик услышал.
— Баки менять!
— Не меняй сразу все! — крикнул молодой гном.
— Ты кто такой, чтобы—

Первый ранец кашлянул.
Пламя стало коротким.

И в тот же момент маленькие слизи рванули вперёд.
Не быстро.
Но все одновременно.
— Вот теперь меняй! — крикнул бомбомётчик.
Два гнома отступили.
Третий прикрыл.
Четвёртый развернул струю по мёртвому мосту.
Слизни полезли друг на друга.
Часть сгорала.
Остальные поднимались выше.
— Они строят лестницу, — сказала Эйра.
— Из себя.
— Ненавижу экономных врагов.
Домоподобный слизень снова ударил в рельс.
На этот раз не по опоре.
По креплению цепи.
Металл исчез в зелёной массе с шипящим звуком.
Цепь провисла.
Плавильня Вечния качнулась.
Шесть изумрудных колец внутри неё ускорились.
Гул прошёл по залу.
Белая жила под полом ответила.
Эллари вскрикнула и прижала ладонь к виску.
— Что?
— Она слышит машину.
— Кто?
— Жила.
— Хорошо слышит?

— Слишком хорошо.
Вечния накренилась ещё на палец.
Снизу, под третьим ярусом, раздался низкий ответный удар.
Не металл.
Не камень.
Что-то живое.
Молодой гном побледнел.
— Не давайте плавильне упасть.
— Именно этим заняты.
— Нет, ты не понял. Под ней старый боковой ход. Если барабан ляжет поперёк, мы его не откроем.
— А если откроем?
— Я не знаю, что там.
— Отлично.
Медная труба над головой щёлкнула.
Голос Крагга вернулся.
— Третий круг. Доклад.
Старший огнемётчик заорал:
— ЛЕВАЯ ЦЕПЬ ПОТЕРЯНА! ПЛАВИЛЬНЯ СМЕЩАЕТСЯ! КРУПНАЯ ФОРМА ЕСТЬ КРЕПЛЕНИЯ!
— Пятая скоба?
— ДЕРЖИТ!

— Не трогать.
Я поднял голову.
— Крагг!
Пауза.
— Я слышу тебя, чужак.
— Спустишься и сам посмотри.
— Нет.
— Боишься слизней?

— Нет.
— Меня?
— Тоже нет.
— Тогда чего?
— Потерять ключ там, где его ждёт однорукий вор.
Эйра посмотрела на меня.
Крагг знал.
Не только что Одноглазый жив.
Знал, зачем тот пришёл.
— Умный брат, — сказал я.
В трубе стало тихо.
Потом Крагг ответил:
— Поэтому остался последним.
Молодой бомбомётчик опустил взгляд.
Я не стал спрашивать, что он думает о Нитбуле.
Сейчас было не время.
Крагг продолжил:
— Третью аварийную опору поставить на готовность. Четвёртую не заряжать до моего приказа. Плавильню вытащить, если возможно. Если невозможно — оставить.
Старший огнемётчик замер.
— Мастер Голдо приказал спасти Вечнию.
— Мастер Голдо приказал сначала спасти то, что можно использовать после похорон чужака.
Я посмотрел на Эйру.
— Мне нравится, как он говорит о нас при нас.
— Экономит время.
Красный огонь загорелся на третьем индикаторе опоры.
Три из пяти.
Готовы.
Не взорваны.
Пока.
Домоподобный слизень внезапно отполз.
Все огнемётчики одновременно повели стволами за ним.
— Не стрелять! — крикнула Эллари.
Поздно.
Три струи пошли вслед.
Слизень пригнулся.
Огонь перескочил через его спину.
И ударил в цепь Вечнии.
Раскалённый металл лопнул.
— Он подставил цепь! — крикнул молодой гном.
Плавильня пошла вниз.
Не упала.
Пятая скоба удержала.
Огромный барабан наклонился и врезался нижним краем в каменную площадку.
Пол треснул.
Из трещины ударил белый свет.
Не яркий.
Глубокий.

Будто кто-то провёл ножом по ночи.
Все слизи остановились.
Домоподобный тоже.
Потом повернулся к трещине.
— Они этого хотели, — сказала Эллари.
— Плавильню?
— Нет.
Она смотрела вниз.
— Открыть жилу.
Зелёные тела вокруг нас дрогнули.
Один за другим слизи повернулись не к гномам.
К белому свету.
— Отходим! — крикнул старший огнемётчик.

Крагг через трубу услышал всё.
— Вечнию бросить. Первый и второй пост наверх. Третий держит десять минут.
— А мы? — спросил молодой бомбомётчик.
Крагг ответил сразу:
— Ты сложил оружие. Теперь живи достаточно долго, чтобы понять цену.
Голос оборвался.
Молодой гном смотрел на трубу.
Эйра тихо сказала:
— Очень по-семейному.
Он не ответил.
Гномы начали отходить.
Не все.
Пятеро остались у Вечнии.
Кто-то должен был удерживать барабан, пока остальные проходили по верхней галерее.
Старший огнемётчик посмотрел на нас.
— Вы не идёте наверх.
— Заметил.

— Почему?
Я показал на белую трещину.
— Потому что нам вниз.
— Там ничего нет.
Эллари покачала головой.
— Есть.
— Ты откуда знаешь?
— Оно стучит.
Старший гном посмотрел на неё.
Потом на трещину.
Потом на слизней.
— Тогда лучше бы не стучало.
Домоподобный слизень двинулся к белой жиле.
Мы тоже.
И впервые за весь день шли с ним в одну сторону.
Роза решила, что лучший способ обмануть Вильяма — дать ему заметить правду.
Не всю.
Ровно столько, сколько он хотел найти.
После ухода Матери суккубов Вильям стал внимательнее.
Не грубее.
Это было хуже.
Он перестал оставлять книги открытыми.
Сменил двух слуг у двери.
Проверил окна.
И трижды за вечер попросил Розу сказать что-нибудь, что должно было вызвать боль.
Она давала.
Маленькую.
Настоящую.
Золотисто-розовая линия на шее нагревалась.
Роза морщилась.
Ровно настолько, чтобы он поверил.
На четвёртый раз Вильям отложил бокал.
— Мать ошиблась.
Роза сидела у окна.
— В чём?
— Цепь работает.
— Конечно.
— Но слабее.
Она посмотрела на него.
Не слишком быстро.
— Ты сам ослабил голос.
— Один узел.
— Тогда удивляешься чему?
Вильям улыбнулся.
— Ты стала смелее.

— Я стала лучше понимать правила.
Это было правдой.
Линия не нагрелась.
Он заметил.
Роза тоже заметила, что он заметил.
И позволила тишине стать неловкой.
— Подойди, — сказал он.
Она подошла.
Не сразу.
Сделала два шага.
Остановилась.
— Дальше.
Ещё два.
Тепло пошло от шеи вниз.
Не боль.
Напоминание.
Второй узел.
Он был не в ногах.
Магия просто проявлялась там.
Правило расстояния.
Чем дальше Роза отходила от разрешённого пространства, тем сильнее цепь стягивала
грудь и горло.
Вильям видел это.
— Ты боишься меня?
Опасный вопрос.
Роза ответила честно:
— Да.
Он чуть нахмурился.
Не этого ждал.
— И всё же подходишь.
— Потому что страх не всегда означает желание уйти.

Линия осталась спокойной.
Это тоже было правдой.
Она действительно не хотела уходить прямо сейчас.
Сначала нужно было снять ещё один узел.
Вильям поднялся.
— Чего ты хочешь?
— Быть полезной.
— Мне?
— Себе.
Он рассмеялся.
— Вот за это я тебя и люблю.
Роза выдержала паузу.
Потом тихо спросила:
— Любишь?
Вильям понял, что сказал.
На мгновение его лицо изменилось.
Роза увидела.
Не смутила.
Не победила.
Просто задела место, которое он сам не хотел показывать.

— Не лъсти себе.
— Я не лъшу.
Она подошла ещё на шаг.
— Я считаю риски.
— И какой риск сейчас?
— Николаус.
Улыбка Вильяма исчезла.
— Он придёт.
— Ты уверена?
— Он всегда приходит туда, где ему говорят не приходить.

— Хорошо знаешь.
— Лучше, чем ты.
Тепло под кожей стало сильнее.
Не ложь.
Но опасная правда.
Вильям подошёл вплотную.
— Поэтому ты мне нужна.
— Тогда перестань держать меня как вещь.
Пальцы на его правой руке дрогнули.
Тонкие линии магии появились на среднем и безымянном.
Роза увидела.
Сделала вид, что нет.
— Ты хочешь свободы?
— Нет.
Он удивился.
— Нет?
— Если попросить всю, ты не дашь.
Она коснулась собственной шеи.
— Дай ровно столько, чтобы Николаус поверил.
— Объясни.
— Если я выйду к нему из твоей комнаты, едва переставляя ноги от цепи, он поймёт всё за секунду.
— А если будешь ходить свободно?
— Он спросит, почему.
— И что ответишь?
Роза посмотрела ему в глаза.
— Что осталась сама.
Вильям замолчал.
Вот оно.
Не похоть.
Не приказ.
Ему нужно было, чтобы желаемое выбрало его само.
Роза дала ему эту картинку.
Не себя.
Картинку.
— Ты лжёшь, — сказал он.
— Тогда не снимай ничего.
Она развернулась.
Цепь сразу стянула грудь.
Роза позволила себе остановиться.
Не закричала.
Не попросила.
Просто ждала.
Вильям смотрел.

Долго.
Потом подошёл сзади.
Пальцы легли чуть ниже её ключицы.
Золотисто-розовая линия поднялась из кожи наружу.
На этот раз Роза увидела не петлю на горле.
Целую цепь.
Один узел возле голоса был разомкнут на два звена.
Второй уходил через грудь к двери.
Остальные терялись глубже.
Вильям коснулся второго.
— Не снимаю.
— Я не просила снять.
— Ослабляю границу до внутреннего двора.
— И мастерских.
— Наглеешь.
— Для убедительности.
Он усмехнулся.
— До внутреннего двора и западной галереи.
— Мало.
— Роза.
— Хорошо.
Это было важно.
Не победить торг полностью.
Иначе он почувствует поражение.
Вильям разжал одно звено.
Не узел.
Только замок вокруг него.
Цепь стала длиннее.
Роза почувствовала сразу.
Комната словно выросла.
Дверь перестала быть стеной.

Она могла выйти в коридор.
Спуститься во внутренний двор.
Дойти до западной галереи.
И молчать там дольше, чем раньше.
— Спасибо, — сказала она.
— Скажи лучше.
— Что?
— Что ты выберешь, когда увидишь Николауса.
Роза повернулась.
Это был старый вопрос.
Но теперь она понимала его лучше.
— Я выберу то, что позволит мне выжить.
Линия не вспыхнула.
Вильям улыбнулся.
Он услышал себя.
Роза — путь.
И оба получили то, что хотели.

Только Вильям не понял, что её путь шёл через него.
Кутёж никогда не умел праздновать тихо.
Лже-Роза быстро поняла это и решила использовать.
К вечеру у неё было достаточно людей, чтобы закрыть обе главные дороги.
Не армия.
Пока.
Две банды.
Часть деревенской стражи.
Несколько торговцев.
Трое возчиков.
Один бывший человек Вильяма, который сначала пришёл проверить слухи, а через двадцать минут уже доказывал, что всегда ненавидел своего хозяина.
Лже-Роза сидела на столе в главной таверне.

Вокруг стояли взрослые жители Кутежа.
Только взрослые.
Детей, подростков и стариков, которых её сила могла случайно сломать, она ещё днём приказала увести к дальним амбарам за нижней канавой.
Не из доброты.
Они мешали.
Ей нужна была чистая пища.
Желание.
— Ближе, — сказала она.
Толпа сделала шаг.
Тёплая волна прошла по залу.
Кто-то тяжело выдохнул.
Кто-то улыбнулся соседу, которого ещё утром ненавидел.
Кто-то начал спорить за право стоять ближе к ней.
Лже-Роза подняла палец.
Все замолчали.
— Не драться.
Разочарование было почти смешным.
— Хотите доказать, что полезны?
Кивки.
— Тогда веселитесь.
Сначала они не поняли.
Потом магия помогла.
Музыка появилась сама.
Не заклинанием.
Кто-то вспомнил про скрипку.
Другой принёс барабан.
Третий открыл склад вина, который Кирилл берег на зиму.
Через час Кутёж перестал быть деревней.
Стал одним большим, шумным желанием.
Лже-Роза ходила между взрослыми, собирая его как тепло.
Ей не нужно было участвовать во всём, что происходило за закрытыми дверями, за занавесями и в тёмных комнатах таверны.
Достаточно было чувствовать.
Чужое влечение.
Ревность.
Ожидание.
Стыд, который сам превращался в новое желание.

Люди тянулись друг к другу, к её одобрению, к обещанию следующего взгляда.
И каждый раз, когда волна доходила до неё, под кожей лже-Розы вспыхивали тонкие
красно-золотые линии.

Сила оставалась.

Не вся.

Но больше, чем утром.

Она сжала пальцы.

Деревянная кружка на столе треснула.

Лже-Роза улыбнулась.

— Ещё.

Музыка стала громче.

Савва сидел у стены со связанными руками.

Верёвку давно можно было разорвать.

Он не разрывал.

Существо наблюдало.

Лже-Роза была интереснее, когда считала себя сильной.

В двадцати шагах от неё взрослые почти переставали спорить с приказом.

В тридцати начинали колебаться.

За сорок могли уйти, если желание уже не было разогрето заранее.

После нескольких часов праздника граница немного расширилась.

Не сильно.

Она не становилась богиней.

Просто накапливала запас.

Существо запомнило.

Лже-Роза подошла к нему.

— Почему такой скучный?

Савва поднял глаза.

— Связан.

— Остальные бы и связанными нашли занятие.

— Я стараюсь быть воспитанным пленником.

Она рассмеялась.

— Ты мне нравишься.
Существо заставило тело покраснеть.
Немного.
— Спасибо.
— Не за что.
Она села напротив.
— Ты сказал, что знаешь дороги к Голдо.
— Торговые.
— А обратно?
— Дорога та же.
— Не всегда.
Умная.
Существо наклонило голову.
— Что хотите сделать?
Лже-Роза посмотрела на зал.
В её глазах мелькнуло не удовольствие.

Страх.
Очень коротко.
Но Существо увидело.
— Он сильный? — спросил Савва.
Лже-Роза повернулась.
— Кто?
— Двести шестьдесят первый.
Пальцы на её колене сжались.
— Не знаю.
— Тогда зачем столько людей?
— Потому что я не люблю неизвестность.
— А праздник?
Она улыбнулась.
— Потому что сила должна откуда-то браться.

Савва опустил взгляд.

— Боишься, что не хватит?

Лже-Роза коснулась его подбородка.

— Очень смелый вопрос для пленника.

— Простите.

Она отпустила.

— Да.

Честность удивила даже Существо.

— Если он пережил Мэлвина, лес, Голдо и всё, о чём болтают дороги, я не собираюсь встречать его голодной.

Она встала.

— К утру хочу знать все пути с севера. Кто приходит из Золотых холмов. Кто видел гномьи обозы. Кто слышал о человеке с чёрным топором.

Один из разбойников сразу шагнул к двери.

— И ещё, — добавила она.

Он остановился.

— Кутёж теперь мой.

Несколько взрослых вокруг улыбнулись так, будто это была их собственная мысль.

Савва тоже улыбнулся.

Внутри — по другой причине.

Если лже-Роза хотела превратить Кутёж в сеть,

она сама строила для него дорогу к 261.

Плавильня Вечния держалась на одной скобе, одном упрямстве и пяти гномах, которые не умели правильно оценивать стоимость собственной жизни.

Я уважал только последнее.

Домоподобный слизень полз к трещине с белой жилой.

Не к нам.

Маленькие формы потекли следом.

— Они больше не атакуют, — сказала Эйра.

— Пока.

Эллари присела у края треснувшей площадки.

— Они слушают снизу.

Молодой бомбомётчик вставил пальцы в щель между плитами.

— Там сервисная лестница.

— Под Вечнией?

— Была.

— Очень полезное уточнение.

— Если барабан сдвинуть на полметра, откроется люк.

Я посмотрел на Вечнию.

Она весила как маленький дом.

— Полметра.

— Примерно.

— И чем?

Он посмотрел на мою правую руку.

Кольцо.

— Нет.

— Я ничего не сказал.

— Но подумал.

Эйра посмотрела на мою рубашу.

Кровь снова пропитала бок.
— И нет.
— Я тоже ничего не сказал.
— Ты хуже думаешь лицом.
Эллари поднялась.
— Не надо сдвигать всю.
Она показала на одну из шести внутренних колец.
— Если остановить правое кольцо, вес уйдёт на левую сторону.
Молодой гном нахмурился.
— Кольца выравнивают расплав.
— Сейчас расплава почти нет.
— Но механизм под нагрузкой.
— Именно.
Я понял.
— Пусть машина сама наклонится.

— И откроет люк.
— Или упадёт.
— Тоже вариант.
— Не лучший.
— У тебя редко бывают лучшие.
Старший огнемётчик услышал нас.
— Вы что задумали?
— Спасти вашу плавильню.
— Лжёшь.
— Да.
Он даже не удивился.
— Тогда что?
— Не дать ей закрыть нам дорогу.
— Честнее.
Домоподобный слизень уже достиг белой трещины.

Его нижняя часть коснулась света.
Тело вздрогнуло.
Изумрудная броня стала прозрачнее.
Внутри появились тонкие белые линии.
— Он пьёт, — прошептала Эллари.
— Что?
— Не камень.
Она побледнела.
— Ритм.
Слизень увеличился.
Совсем немного.
Но достаточно, чтобы мы заметили.
— Быстрее, — сказал молодой гном.
Он полез на сервисный пульт Вечнии.
Половина рычагов уже не работала.
Одна рукоять была съедена до медной сердцевины.
— Правое кольцо тормозится здесь.
— Держи.
— Чем?
Я вытащил огненный меч Одноглазого.
Пламя стало почти белым.
Не из-за бывшего хозяина.
Он был уже далеко.
Из-за самой Вечнии.
Изумрудные кольца отвечали огню.
Молодой гном отшатнулся.
— Не режь!
— Не собирался.
Я вставил клинок между зубьями тормозного венца.
Металл заскрежетал.
Пламя поползло по зубцам.
Кольцо замедлилось.
Вечния загудела.
Эйра уже стояла у левой цепи.
— Что мне делать?
— Когда скажу, режь удерживающий канат.
— Ты же говорил не резать.
— Передумал.
— Наконец нормальный план.
Эллари обмотала цепь вокруг каменной стойки.
— Я удержу обратный рывок.
— Ты еле стоишь.
— Поэтому не буду бегать.
Логично.
Молодой гном дёрнул сервисный рычаг.
Правое изумрудное кольцо встало.
Остальные пять продолжили вращаться.
Вес внутри барабана сместился.
Вечния пошла влево.

Медленно.
Пятая скоба завывала.
Домоподобный слизень оторвался от белой жилы.
Повернулся.
Понял.
— Сейчас! — крикнул гном.
Эйра разрубила канат.
Эллари дёрнула цепь.
Я кольцом притянул только один металлический направляющий штифт.
Не всю плавильню.
Один штифт.
Этого хватило.
Вечния качнулась ещё на полметра.
Под ней открылся чёрный квадрат люка.
— Есть!
Домоподобный слизень рванул к нам.
Быстро.
Слишком быстро для вещи размером с дом.
— Вода! — крикнул я.
Старший огнемётчик понял.
Не спросил зачем.
Ударил топором по аварийному вентилю.
Из верхней трубы хлынула холодная промывочная вода.
Не на слизня.
Перед ним.
Зелёная масса вошла в поток.
Кристаллическая броня побелела.
По ней пошли трещины.
— Дерево!
Эйра уже тащила длинную шпалу.
Вместе с молодым гномом они бросили её под передний край твари.
Слизень наехал.
Часть тела оказалась отрезана деревом от металлического пола и изумрудной крошки.
Я ударил Зего.
Один раз.
Не в центр.
По белой трещине на броне.
Тварь разошлась на две массы.
Обе ещё двигались.
— Не добивать! — крикнула Эллари.
— Почему?
— Слушай!
Я не умел слушать камень.
Но увидел.
Обе половины пытались ползти не к нам.
К белой жиле.
— Отрежьте путь!
Гномы бросили ещё две деревянные шпалы.

Эйра сдвинула металлическую раму ногой.
Молодой бомбомётчик открыл второй водяной клапан.
Две половины большого слизня оказались на деревянном настиле под ледяным потоком.
Они не умерли.
Просто перестали собираться.
Маленькие слизни увидели.
И остановились.
— Учитесь, сволочи, — сказала Эйра.
Один маленький слизень медленно отполз.
Другой повернулся.
Третий исчез в боковой трещине.
Я не улыбнулся.
— Они уже научились.
— Чему?
— Что вода и дерево плохие.
— Великолепно.
Старший огнемётчик показал на люк.
— Уходите.
— А вы?
— Вечнию держим, пока верхний подъёмник не заберёт людей.
— Крагт вас бросит.
— Возможно.
— И Голдо тоже.
— Вероятно.
Он посмотрел на машину.
— Но это наша плавильня.
Очень по-гномьи.
Я хотел сказать.
Не сказал.
Мы спустились в люк.
Последним пошёл молодой бомбомётчик.

Перед тем как закрыть решётку, он посмотрел на старшего.

— Если Крагг даст приказ на опоры—

— Я слышал приказы дольше, чем ты жил.

— Это не ответ.

— А ты теперь любишь ответы?

Молодой гном замер.

Потом кивнул.

Закрыл люк.

Мы пошли вниз.

Через пять ступеней свет Вечнии исчез.

Через десять исчезли крики гномов.

Через пятнадцать остался только белый ритм в стене.

И влажный звук позади.

Я обернулся.

Ничего.

— Они идут? — спросила Эйра.

Эллари прислушалась.

— Нет.

— Хорошо.

— Нет.

Она открыла глаза.

— Плохо.

— Почему?

— Потому что они знали, куда мы пойдём.

Юлия не начала штурм Башни вечером.

Кан хотел.

Это было видно по тому, как он смотрел на стены.

По тому, как проверял затвор короткого ружья.

По тому, как каждый раз задерживал взгляд на верхних окнах.

— Сейчас, — сказал он. — Пока они не собрали оборону.

Юлия стояла у третьего песочного якоря.
Перед ней в пустыне уже было несколько сотен разбойников.
Не строй.
Лагерь, который собирался стать строем.
Одни натягивали мокрые шкуры на щиты.
Другие выкатывали пороховые бочки.
Третьи собирали длинные лестницы.
Четвёртые вбивали железные крюки в песок, будто можно было привязать башню к пустыне.
— Нет, — сказала Юлия.
Кан повернулся.
— Почему?
— Потому что она уже один раз ушла.
— Не уйдёт под огнём.
— Откуда знаешь?
Кан промолчал.
Юлия показала на Башню.
— Сначала узнаем, что её держит здесь. Потомотрежем воду. Потом порталы. Потом выходы. И только после этого ты сможешь красиво стрелять.
— Я не для красоты.
— Конечно.
Она улыбнулась.
Кан не оценил.
Четвёртый якорь Юлия так и не поставила.
Он лежал у неё в сумке.
Путь назад.
Единственная дверь, которую она не отдала армии.
Из трещины в каменной руке Матери Возвращённый Владыка видел всё.
Он видел, где стоят три якоря.
Видел, что четвёртый у Юлии.
Видел порох.
Видел людей Кана с редкими ружьями.
И видел главное.
Они пока не знали, где именно внутри Башни находится Сердце.
Значит, пришли не за Сердцем.
Пока.
Возвращённый Владыка коснулся чёрной нити под рёбрами.
Клык не приказал спасать Башню.
Клык приказал убить Розу и 261.

Но Башня держала две вещи, которые могли сделать убийство сложнее или проще.
Связь.

И ключи.

Если Юлия заберёт их раньше,
планы всех остальных станут хуже.

Владыка посмотрел на белое каменное лицо Матери.

— Ты опять собрала слишком много врагов в одном месте.

Статуя не ответила.

— И мне почему-то снова приходится решать, кого из них пока не убивать.

Он остался в трещине.

Не предупредил демонов.

Не сломал якоря.

Не выстрелил в Юлию.

Ему нужно было увидеть первый ход.

Кана.

Башни.

И самой Матери, если в ней ещё оставалось достаточно жизни, чтобы заметить армию
у собственных ног.

Белый боковой ход под Вечнией оказался старше шахты.

Это было видно сразу.

Гномы любили прямые углы.

Здесь их не было.

Стены шли волнами.

Чёрный камень прорезали белые жилы, иногда тонкие как волос, иногда толщиной с
руку.

Между ними рос изумруд.

Не в жилах.

Прямо поверх белого камня.

Как зелёная корка на старой кости.

Эллари шла первой.

Не потому, что была самой целой.

Потому что единственная понимала, куда смотреть.

— Это та же жила? — спросил я.

— Родственная.

— Насколько близкая?

— Не знаю.

— Очень полезно.

Она даже не обернулась.

— Хочешь, совру?

— Нет.

— Тогда не жалуйся.

Эйра шла за ней.

Я — третьим.

Молодой гном замыкал.

Через несколько минут мы нашли первый доспех.

Гномий.

Без гнома.

Он лежал на боку.

Нагрудник был цел.

Шлем тоже.

Все металлические застёжки исчезли.

Даже заклёпки.

Кожа осталась.

Деревянная рукоять кирки — тоже.

— Съели металл, — сказал молодой гном.

Эйра подняла деревянную рукоять.

— Тогда у меня новый любимый материал.

Дальше лежали ещё два доспеха.

Потом вагонетка.

От неё остались доски и четыре ровные канавки в камне там, где раньше шли рельсы.

Металла не было вообще.

— Они давно сюда ходят, — сказал я.
— Да.
— Почему шахта не знала?
Молодой гном посмотрел на белую жилу.
— Потому что этот ход числился сухим.
— Он мокрый.
— Сейчас.
На стене блестела зелёная слизь.
Эллари остановилась.
— Не трогать.
Эйра как раз собиралась.
— Я уже научилась.
Слизь двигалась.
Очень медленно.
Не вниз.
Вперёд.
Как тонкая дорога.
— След? — спросил я.
— Нет.
Эллари прислушалась.
— Провод.
— Что?
— Они передают по нему ритм.
Молодой гном присел.
— Слизь?
— Да.
Он достал маленькую латунную иглу.
Коснулся дорожки.
Игла задрожала.
Три раза коротко.
Один долго.
Мы все посмотрели друг на друга.
Сигнал помощи.
— Они не просто повторяют звук, — сказал бомбомётчик.
— Они передают его дальше, — ответила Эллари.
— Значит, у них связь.
— Значит, кто-то посылает.
Эйра посмотрела вперёд.
— Матка?
Никто не ответил.
Через десять шагов проход раздвоился.
Слева шёл белый свет.
Справа — зелёный.
На полу между ними лежал деревянный клин.
Совсем свежий.
Гномий.
— Кто-то был здесь недавно, — сказал я.
Молодой гном поднял клин.
На нём была выжжена корона Голдо.

— Сервис Вечнии.
— Значит, твои знали дорогу.
— Когда-то.
— Куда ведёт?
Он перевернул клин.
На обратной стороне были две насечки.
Одна белая.
Одна зелёная.
— Белая — дренаж глубинной жилы.
— Зелёная?
— Не знаю.
— И опять полезно.
Эллари подошла к развилке.
Закрыла глаза.
Белый путь бил редко.
Глубоко.
Тот самый неправильный ритм, который отзывался на наши два Ключа Бездны.
Зелёный путь звучал чаще.
Очень часто.
Как сотни маленьких сердец.
— Нам налево, — сказал я.
Эллари открыла глаза.
— Да.
Мы повернули налево.
Прошли пять шагов.
Сзади раздался мягкий плеск.
Я обернулся.
Зелёная слизь уже лежала поперёк правого прохода.
Не ползла за нами.
Просто закрывала.
— Они не гонятся, — сказала Эйра.
— Потому что мы идём правильно.
— Для нас?
— Для них.
Молодой гном медленно положил руку на бомбу у пояса.
— Может назад?
Мы повернулись.
Там, откуда пришли, на стене уже блестела вторая зелёная плёнка.
Тонкая.
Но растущая.
Эйра выдохнула.
— Значит, вопрос снят.
Мы пошли дальше.
Не к выходу.

К тому, кто решил, что выход нам больше не нужен.

К вечеру центральный резервуар Небесной Обители сменил хозяина без единого удара колокола.

Смотритель открыл дверь человеку в лекарском фартуке.

Лекарка показала знак карантинной службы.

За ней вошли двое носильщиков.

Потом ещё четверо.

Смотритель успел спросить:

— Почему так много?

Никто не ответил.

Он посмотрел на чумные маски.

— Горло?

Первый Немой кивнул.

Смотритель выругался.

— Проклятая болезнь.

Через минуту он уже сидел на стуле со связанными руками.

Живой.

Как приказал Король.

Второй смотритель тоже.

Третий оказался одним из тех, кто давно передавал Немых графики караулов.

Он просто снял розовое солнце Вильяма с груди и положил его на стол.

Немая лекарка поставила вместо белой булавки синюю.

Четыре из девяти.

Никто в верхнем дворце ещё не знал.
Зелёный свет в глубинном ходе стал темнее.
Не потому, что его было меньше.
Потому что изумруда стало слишком много.
Сначала кристаллы росли в трещинах.
Потом заняли стены.
Потом пол.
Через полчаса мы шли по прозрачной зелёной корке, под которой медленно текла белая жила.

Как кровь под стеклянной кожей.
Эллари стала дышать чаще.
— Что?
— Ритм изменился.
— Белый?
— Оба.
— Как именно?
Она остановилась.
— Они синхронизируются.
Молодой гном побледнел.
— Не может быть.
— Почему?
— Изумруд проводит. Не думает.
— Слизни думают.
— Не так.
Эйра посмотрела на него.
— Ты сейчас споришь с тем, что нас загнало сюда как стадо?
— Я пытаюсь понять.
— Понимай быстрее.
Впереди что-то щёлкнуло.
Три коротких.
Один длинный.

Сигнал помощи.
Потом другой.
Два длинных.
Один короткий.
Молодой гном замер.
— Что?
— Сигнал «подъём закрыт».
Снова щелчки.
Короткий.
Короткий.
Длинный.
— «Подача остановлена».
— Они знают шахтные команды, — сказала Эйра.
— Они слышали их годами.
— И запомнили.
— Видимо.
Я посмотрел на белую жилу под ногами.
— Или кто-то запоминал за них.
Проход расширился.
Впереди появился воздух.
Большой объём.
Мы ещё не видели зал.
Только чувствовали.
Запах пришёл первым.
Не зловоние старого чернового логова.
Хуже.
Сырая медь.
Изумрудная пыль.
Сладковатое разложение.
И пиво.
Очень слабый запах королевской варки.
Молодой гном остановился.
— Здесь не должно пахнуть пивом.
— Сегодня много чего не должно.
Эллари коснулась стены.
— Труба.
— Здесь нет труб.
— Была.
Мы увидели остаток через несколько шагов.
Толстая металлическая магистраль входила в стену.
Точнее, входила раньше.
Теперь от неё остался только круглый след и деревянные опорные кольца.
Весь металл исчез.
Слизни съели трубу.
Но в камне за ней сохранился канал.
По нему медленно стекала золотая жидкость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.